

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 101, февраль 2023

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ АЗИАТСКОГО БАЛАНСА

Существует ли – подобно немецкому – японский вопрос? То есть такой исторический узел, который, как никакой другой, определял бы стратегические коннотации и политическую культуру японской державы?

Похоже, об этом задумался историк с дипломатическим образованием Синъити Китаока, у которого можно обнаружить связь с кругами Ясучиро Накасонэ и Синдзо Абэ. В своём эссе 2011 года *“Political History of Modern Japan: Foreign Relations and Domestic Politics”* он пишет, что Страна восходящего солнца отличается тем – плохо это или хорошо, – что она «ни слишком большая, ни слишком маленькая» с точки зрения масштаба соперничества держав в Азии во второй половине XIX-го – XX империалистическом веке: «Если бы она была большой самодостаточной страной, как Соединённые Штаты, то, вероятно, не подверглась бы внешнему влиянию в той степени, как это имело место быть. Если бы она была меньше, то подверглась бы в полной мере, не сумев, как это произошло, повлиять на внешнюю среду».

Само рождение современной Японии – результат внешней коллизии. Реставрация Мэйдзи (1868) была «революцией сверху», вызванной шоком, спровоцированным падением Китая и европейским и американским колониальным и торговым утверждением в Азии. Государство Мэйдзи было построено на основе европейского опыта с целью утверждения суверенитета Японии перед лицом этих угроз. В свою очередь, эта государственная структура и экономическое развитие Японии стали оказывать влияние на восточноазиатские порядки.

По мнению Китаока, взаимное влияние «изменений в международной обстановке и реструктуризации внутреннего политического устройства является постоянной темой всей современной политической истории Японии, и это продолжается и сегодня». По мнению других историков, эта динамика сродни примату внешней политики, о котором применительно к европейской истории теоретизировал Леопольд фон Ранке.

Следовательно, олигархи эпохи Мэйдзи также действовали в соответствии с реагирующей национальной психологией, а также военной традицией, которая придавала вес силовым отношениям. Наряду с военной силой основой стали государственные финансы, налогообложение сельской местности и стимулирование промышленности со стороны государства. Это началось после того, как миссия под руководством Томоми Ивакура в 1871–1873 годах – в составе более ста человек, путешествовавших по Европе и Америке в течение почти 2 лет – использовала западный опыт. Япония также была державой догоняющего развития: отсюда роль государства в concentra-

ции капитала, необходимого для создания первоначального ядра индустриализации, но также и роль правительства в продвижении интересов частных корпораций. Это привело к появлению *дзайбачу* – крупных финансово-промышленных конгломератов – и «сговору между частной промышленностью и государством», что было «неизбежно» в государстве «догоняющего развития».

По мнению Китаока, апогеем политического реализма олигархов Мэйдзи стало десятилетие 1894–1905 годов между первой китайско-японской и русско-японской войнами: они смогли использовать динамику баланса сил в Азии, соперничество между европейскими державами и изменения в глобальном балансе сил, чтобы утвердить Японию в качестве ведущей азиатской державы в отношениях с Великобританией, а затем и США. В этом контексте англо-японский альянс 1902 года стал стратегическим сближением Лондона и Токио против угрозы России в Азии. Для Японии ставкой были Корея и Маньчжурия. Токио уже давно продемонстрировал, что установление контроля над Корейским полуостровом со стороны какой-либо враждебной державы противоречит его интересам, в то время как его континентальная экспансия проецировалась на Китай.

Что касается Великобритании, пишет Пьер Гроссер в книге *“L’histoire du monde se fait en Asie”*, то это был первый частичный прорыв британской «блестящей изоляции», а также первый реальный союз «между крупной европейской и небелой державами». Китаока подчёркивает связь с англо-германским военно-морским противостоянием. Британская блестящая изоляция была связана с военно-морским превосходством, которое выражалось в «стандарте двух держав», когда военно-морской флот превышал суммарную мощь двух ведущих преследующих держав; быстро растущая военно-морская мощь Германии – с принятием закона 1898 года, инициированного Альфредом фон Тирпицем – затрудняла проведение такой политики. Если бы Великобритания сформировала альянс с Японией, «у неё был бы резерв военно-морских сил в Азии, и она могла бы рискнуть частью своих сил в Европе». С другой стороны, Лондон потакал Токио в войне с Россией 1904–1905 годов. Без сотрудничества с британцами, утверждает Китаока, подавляющая победа Японии в битве при Цусиме была бы невозможна. В 1905 году досрочное продление англо-японского договора расширило союз, включив в него обязательства Страны восходящего солнца по защите Британской Индии в обмен на признание протектората Токио над Кореей.

Страна восходящего солнца становилась региональной державой, но её перевооружение было функционально

связано с изменением конфигурации британских стратегических задач.

Первоначально США положительно рассматривали возвышение Японии в антироссийском ключе. Политика *открытых дверей* в Китае была направлена в первую очередь на противодействие европейскому колониальному разделу. Как пишет Генри Киссинджер в книге *“Дипломатия”*, уже в эволюции линии Теодора Рузвельта чувствовался сдвиг. После поддержки Токио в войне 1904–1905 годов Рузвельт, выступая посредником на мирных переговорах, стремился уменьшить японские ожидания. По его мнению, американские интересы заключались в том, чтобы царская империя и Страна восходящего солнца уравнивали друг друга.

В условиях британского упадка перед лицом Соединённых Штатов отношение к японской экспансии в Китае и её военно-морскому присутствию в Тихом океане радикально изменилось в конце первой мировой империалистической

войны, хотя и в ней Япония находилась на стороне держав Антанты. В Версале Токио добился признания прав на Шаньдун, до этого находившийся в аренде у Германской империи, но антияпонская кампания в США и обвинения в «капитуляции», выдвинутые в Сенате против президента Вудро Вильсона, способствовали тому, что договор не был ратифицирован.

Здесь начали формироваться некоторые константы азиатского баланса. Штаты делали всё, чтобы избежать слияния японского промышленного потенциала с китайской континентальной демографической массой; в Японии эта линия проекции была подкреплена обидой на дискриминационное обращение, которому она подверглась в постверсальскую эпоху, и это стало питать линии и идеологии в духе «Азия для азиатов».

(Продолжение на стр. 2.)

Lotta comunista, январь 2023 г.

Содержание

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ АЗИАТСКОГО БАЛАНСА	стр. 1
Токио перевооружается с Вашингтоном, но ведёт переговоры с Пекином	стр. 2
Китайский проблеск надежды	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Противоречия внутри ЕС вокруг ответа на протекционизм США	стр. 4
Дилеммы Москвы в отношении своего ближнего зарубежья	стр. 5
<i>Российские хроники</i>	
Нейтрализация энергетического оружия Москвы	стр. 6
<i>Авантюры “русского мира”</i>	
Особый путь как компенсация экономической отсталости	стр. 7
Сообщающиеся сосуды Алжира	стр. 8
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Истоки глобального управления здравоохранением	стр. 9
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Немецкие партии и франко-прусская война	стр. 10
Американская канва для китайских провинций	стр. 11
Китай ведёт дела с несколькими Америками	стр. 12
Сеул обсуждает “Zeitenweide” Токио	стр. 13
Энергетический переход разделяет партии и штаты	стр. 14
Польское перевооружение опирается на Сеул	стр. 15
Леопард и лягушка	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Парижский наблюдательный пункт

“Неполная пропорциональность” и гибкость Пятой республики	стр. I
Давление на “санитарный кордон” вокруг Национального объединения	стр. II
Французские тревоги в связи с конфликтом на Украине	стр. III
Исключительные полномочия для промышленной политики	стр. IV

Токио перевооружается с Вашингтоном, но ведёт переговоры с Пекином

(начало на 1-й странице)

Вашингтон начал оказывать давление на Лондон, чтобы тот не возобновлял англо-японский пакт 1902 года, критикуемый как вредное для американских интересов одобрение «военной партии» в Токио. Британия должна была взвесить преимущества и недостатки отказа от японской карты, пишет Пьер Ренувен в своей классической книге по истории международных отношений. После 1917 года Россия больше не представляла угрозы, но свободолюбивая Япония могла разжечь национализм в Индии во имя «Азии для азиатов». Американское давление возобладало над всеми расчётами; отказ от альянса был представлен Лондону как подготовка к «англо-американскому сотрудничеству в дальневосточных и тихоокеанских делах». Лондону придётся полагаться на Вашингтон, а не на Токио, чтобы облегчить имперское бремя в Азии; свидетельством разворота трансатлантического баланса стала завуалированная угроза связи между американской позицией по ирландскому вопросу и готовностью Великобритании отказаться от двустороннего союза с Токио.

Вашингтонская конференция 1921–1922 годов была, с точки зрения Ренувена, «останавливающим действием» в отношении Японии: США удалось задержать японскую политику «перемирьем», которое продлится десять лет. С кризисом 1930-х годов и фибриляциями партийной системы усилились тенденции к автономизации военных течений, армия стала сильнее и менее управляемой, в том числе благодаря автономным экономическим базам в Маньчжурии и Корее. Течения, связанные с другими направлениями, до последнего пытались договориться с Вашингтоном, но неспособность или невозможность объединить разнонаправленные действия военных стала решающим фактором, ускорившим принятие решения о войне в 1941 году.

Китаока называет этот выбор «иррациональным», но при ближайшем рассмотрении именно направления империалистической проекции Японии и связанные с ней военные течения оказали влияние на баланс сил в Токио и стали решающими в роковой авантюре нападения на Перл-Харбор. В итоге проявилась та самая закономерность японской политики, которую Китаока стремится подчеркнуть, – связь между обязательными направлениями внешней проекции и политическими, а также институциональными балансами внутренних сил. К 1941 году применимо то же методологическое соображение, что и к морскому закону фон Тирпица и 1914 году: объективная тяга, вызванная империалистическим созреванием, была решающей; в разное время и при разных условиях Германия и Япония, державы догоняющего развития, оказались вынуждены бросить вызов балансу сил, и в конце концов именно тот факт, что Штаты перехватили пальму первенства у Британской империи, решил исход игры.

В Корее ещё не угасло негодование по поводу пятидесяти лет японского колониального правления, которое сочетается со стратегической загадкой раздела полуострова, осложнённого ракетной и ядерной программой Пхеньяна. В атмосфере тревоги, вызванной *Zeitenwende* Фумио Кисиды,

сопровождающейся новым японским перевооружением, оппозиционная ежедневная газета «Ханкёре» обращает внимание на тезисы Юкико Косиро в эссе «*Imperial Eclipse: Japan's Strategic Thinking about Continental Asia Before August 1945*»¹. Явный и полемический ревизионизм, в духе которого преподаватель токийского университета Нихон оспаривает доминирующий «американоцентричный» взгляд на вторую мировую войну в Азии, сводящийся к «иррациональному и безрассудному» вызову, брошенному Японией Соединённым Штатам. Война была «континентальной», прежде чем она стала «тихоокеанской»: вот почему Косиро называет её «Евразийско-тихоокеанской войной» и фокусируется на стратегии управляемого вывода войск из владений империи в Корее и Китае, которую Токио стал обсуждать в условиях неизбежного поражения.

Уже к концу 1944 года различные течения в Токио начали рассматривать вступление СССР в войну как неизбежное: изучая политические группировки в Китае и Корее и их связи в Москве и Вашингтоне, японские военные планировщики пришли к выводу, что СССР имеет значительные связи с течениями, за формальной идеологической верностью которых скрывается националистический характер: «Они могут быть полезны в сдерживании американских региональных амбиций в Восточной Азии». Так, в Токио надеялись, что «присутствие СССР создаст желательный баланс сил в вакууме власти, возникшем после падения Японской империи». Когда после войны Вашингтон понял, что не может справиться с Москвой в одиночку, ему пришлось признать важность Японии.

Сигэру Ёсида возглавлял пробританскую фракцию, которая хотела сделать приоритетными мирные переговоры с США; в рамках плана по окончанию войны он составил в феврале 1945 года меморандум Коноэ. Князь Фумимаро Коноэ предупредил об опасности «прокоммунистической революции» под руководством СССР в Китае, Маньчжурии, Корее, Тайване и Японии, заявив, что ей благоприятствует связанная с армией фракция. Теория домино *ante litteram*². Чтобы предотвратить такую перспективу, Коноэ призвал императора немедленно заключить мир с США до вступления СССР в войну.

Коноэ покончил жизнь самоубийством в конце 1945 года, чтобы избежать судебного процесса со стороны победителей; Ёсида же станет ключевой фигурой в послевоенном восстановлении Японии: доктрина Ёсиды заключалась в приоритете экономики при реализации стратегии тихой сапы, гарантированной неравноправным союзом с США.

Однако, согласно реконструкции Косиро, позиция Ёсиды – Коноэ в меморандуме не представляла собой согласованной линии внутри военного правительства. Другие течения Токио рассуждали о перспективе соперничества США и СССР в плане контроля над послевоенной Восточной Азией; в качестве стратегии завершения войны они хотели отдать предпочтение линии «уравновешивания противников», а также уделяли внимание различию между Сталиным и националистическими чертами Мао Цзэдуна, которого в одном из исследований Министратства иностранных дел называли «азиатским Тито». Военные круги,

резюмирует «Ханкёре», утверждали, что Япония должна была дожидаться вторжения российских войск в Маньчжурию, прежде чем капитулировать; в этом контексте фактически было облегчено вступление СССР в Корею, что не позволило «США просунуть ногу в дверь». Упрёк по поводу раздела Кореи также может быть отнесён на счёт этого крайнего «японского баланса сил».

Нет необходимости следовать за Косиро во всех поворотах его ревизионистских тезисов: линия Коноэ на немедленные переговоры не имела консенсуса всех фракций, но пользовалась существенной поддержкой; раздел Кореи был согласован между Вашингтоном и Москвой; Хиросима и Нагасаки свели на нет все расчёты, даже если армия продолжала противиться капитуляции. Здесь интерес представляет существование сил и линий, различимых в архивных документах военных и МИДа, для которых игра вторым номером по отношению к СССР и Китаю Мао якобы была функциональной в послевоенный период для переговоров о позиции Японии по отношению к США. Реализм выигранный в том числе и для мнимого стремления к миру доктрины Ёсиды: Корейская война 1950 года была решающей для восстановления суверенитета Японии в союзе с США, и тот же экономический подъём выиграл от того, что Архипелаг являлся американским тылом в конфликте. Ёсида назвал эту войну «божественным даром» для Японии и даже утверждал, вспоминает «Ханкёре», что Токио «добился большего, проиграв во Второй мировой войне, чем выиграв в Первой».

Переворужение, новая стратегическая доктрина, сосредоточенная на «контратакующих» возможностях и более равноправном переопределении альянса с Вашингтоном, – этот переломный момент для правительства Фумио Кисиды требует размышлений о мутациях и долгосрочных константах японской политической культуры. С послевоенного периода японская политика проходила под знаком примата экономики течений, связанных с доктриной Ёсиды, с контрапунктом реалистического и националистически-азиатского направления, выраженного, среди прочих, Нобусукэ Киси, Ясухиро Накасонэ и Синдзо Абэ. Кисида претендует на то, что вокруг новой доктрины сложится новый консенсус, в котором сойдутся различные ориентации; однако ведутся дебаты о том, насколько эти семьдесят лет стратегической немоты распространили политическую культуру, которая не является стратегической или, как бы то ни было, находится в плену либеральной иллюзии, а потому чужда холодному расчёту соотношения сил. Аналогичные дебаты идут и в Германии, символом которых является *Zeitenwende* Олафа Шольца.

Общим в тезисах Китаока и Косиро является акцент на реалистической калибровке японской политической традиции под знаком острой чувствительности к взаимодействию баланса сил и стратегического положения Страны восходящего солнца. Отрицая, что доминирующей чертой коллективной психологии является пацифизм, Брэд Глоссерман на страницах *Japan Times*, ссылается на определения Японии как страны «сопротивляющихся реалистов», «оби-

женных реалистов» или «прагматичных реалистов».

В то время как Сеул с наибольшей тревогой отреагировал на разворот Токио, Пекин сохраняет выжидательную позицию. Хуан Цзин из Шанхайского университета международных исследований на страницах *Nikkei Asia Review* объясняет китайскую осторожность тремя аргументами. Первый, кажется, полагается на постоянство послевоенной культуры. Пекин знает, что новая доктрина безопасности не отражает национального «стратегического консенсуса», есть различие между политическими выступлениями и общественным мнением: как только линия Кисиды воплотится в конкретную политику, можно ожидать, что внутренняя оппозиция станет «существенной». Отметим, что этот тезис правдоподобен, если стратегическая ревизия коснётся ядерного сдерживания – вопроса, который снова и снова всплывает в зеркальной игре корейских дебатов.

Второй аргумент указывает на несовпадение «экономических интересов и интересов безопасности» Вашингтона и Токио, касающихся Пекина, а также узловых точек глобализации. США работают над «декаплингом», но «только 3,8 % из 679 японских компаний с существенными инвестициями в Китае» говорят, что хотят сократить своё присутствие на этом рынке. В области соглашений о свободной торговле Вашингтон отказался от Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) и переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнёрству (ТТИП), его атлантическому эквиваленту; напротив, успех Японии в заключении Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТТП) и Соглашения об экономическом партнёрстве между ЕС и Японией (JEEPA) стал признаком «экономической мощи» и «дипломатической компетентности». ВРЭП, заметим, добавляет к этой политике разнонаправленных открытий китайский и асеановский векторы.

Наконец, третий аргумент: «Возвышение Китая и относительный упадок влияния США сделали Вашингтон более зависимым от Японии в плане поддержания своего доминирования в регионе», что «услыло позиции Токио в альянсе». Нет сомнений в том, что Япония нуждается в альянсе с Штатами, поскольку мир эволюционирует от «однополярной гегемонии» к «многполярному противостоянию» и динамике балансирования, но следует понять, сможет ли Токио повлиять на Вашингтон «в переговорах с Китаем».

Переворужаться, восстанавливая баланс в отношениях с США, развивая связи в Индо-Тихоокеанском регионе и Европе, сохраняя их с Китаем и тем самым удерживая Вашингтон от конфронтации с Пекином. Если таков расчёт нового реализма, на основе которого Токио адаптируется к китайскому восхождению, то Пекин может сделать выбор в пользу выжидательной позиции.

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – «Имперское затмение. Стратегическое мышление Японии о континентальной Азии до августа 1945 года».

2 – До буквы, заранее, опережая своё время (лат.).

Китайский проблеск надежды

В последние месяцы в заметках об экономической конъюнктуре неоднократно упоминался сценарий рецессии. Споры сосредоточены на том, как долго она продлится. В декабрьском *“Economic Bulletin”* эксперты ЕЦБ «ожидают короткой и умеренной рецессии в зоне евро в конце года». В 2023 году «в контексте затяжной геополитической неопределённости», которая ограничит глобальный рост (без учёта еврозоны) до 2,6 %, они прогнозируют рост еврозоны на уровне 0,5 % ВВП. Восстановление Европы откладывается до 2024 (3,1 %) и 2025 (3,3 %).

Всемирный банк в своём январском отчёте снижает темпы глобального роста с 3 %, ожидаемых в июне, до 1,7 % и помещает США (0,5 %) и Еврозону (0,0 %) в тупик. В отчёте перечислены причины, которые «могут подтолкнуть глобальную экономику к рецессии»: синхронное ужесточение монетарной политики для сдерживания высокой инфляции, ухудшение финансовых условий и война России на Украине приведут к замедлению роста, кредитные ограничения и высокие долги будут сдерживать инвестиции и угрожать корпоративными банкротствами, и к этому можно добавить «дальнейшие негативные потрясения, такие как более высокая инфляция, ещё более ограничительная политика, финансовый стресс, ещё более глубокая слабость крупных экономик или растущая геополитическая напряжённость».

В декабрьском опросе, проведённом *Financial Times* и Initiative on Global Markets Чикагского университета, 85 % американских учёных-экономистов заявили, что, по их мнению, в 2023 году Национальное бюро экономических исследований объявит рецессию.

Противоположные тенденции

Бал правят волатильность и неопределённость. Но некоторые отрезки цикла, по-видимому, могут смягчить или опровергнуть более мрачные прогнозы. Энергетическая инфляция ослабевает. Цены на природный газ в Амстердаме упали за один месяц со 130 долларов до примерно 60 долларов за мегаватт-час благодаря мягкой зиме, резкому снижению промышленного потребления и высоким запасам. Согласно январскому отчёту ОПЕК, цена нефтяной корзины упала за месяц на 9–11 %. Общее инфляционное давление в декабре продолжает снижаться, хотя и медленно: в США до 6,4 %, в еврозоне до 9,2 %. Эта разница отражает уязвимость Европы перед войной и энергетической зависимостью. Главный экономист ЕЦБ Филип Лейн прогнозирует инфляцию на уровне 3,6 % в IV квартале 2023 года. Похоже, в ФРС набирают силу голоса, которые хотят замедлить рост процентных ставок. Реальный вес этой линии будет виден на встрече 1 февраля.

Январский отчёт МЭА указывает на высокий спрос на нефть в 2023 году в размере 101,7 млн баррелей (барр.) в сутки с увеличением на 1,9 млн барр. в сутки по сравнению с 2022 годом. Примерно половину этого спроса должно обеспечить восстановление Китая. В январском отчёте ОПЕК отмечается рост спроса на 2,2 млн барр. в сутки, при этом четверть этого показателя приходится на Китай. Ожидания восстановления Китая через месяц после смены его политики с «нулевой терпимости» на «свобода для всех» также приводят к росту товарных индексов, особенно на промышленные металлы. Тем временем ожидания восстановления поддерживаются спросом на пополнение запасов. В Германии ZEW (Мангейм), ис-

пользующий собственный индекс «экономических настроений», в середине января зафиксировал скачок уверенности предпринимателей на 40 пунктов. МВФ отложил публикацию обновления своего традиционного *“World Economic Outlook”* до конца месяца, но заместитель генерального директора Гита Гопинат предупредила, что фонд – в отличие от Всемирного банка – не намерен снижать прогноз роста мировой экономики, данный в октябре (2,7 %).

Постковидный Китай

The Economist от 7 января пишет: «Открытие Китая станет крупнейшим экономическим событием 2023 года». «Экономическая активность резко восстановится вместе со спросом Китая на товары, услуги и сырьё. Воздействие этого будет ощущаться на пляжах Таиланда через такие компании, как Apple и Tesla, а также в центральных банках по всему миру». По мнению некоторых, испытывающих особый энтузиазм экономистов, китайская экономика в I квартале 2024 года сможет продемонстрировать рост на 10 % по сравнению с проблемным I кварталом 2023 года.

Лондонский журнал предостерегает: Китай покупает пятую часть мировой нефти, более половины рафинированной меди, никеля и цинка, три пятых железной руды; восстановление Китая может проявиться в большей части мира «не в высоких темпах роста, а в инфляции или более высоких процентных ставках». Goldman Sachs не исключает, что спрос на нефть со стороны Пекина может поднять цену Brent выше 100 долларов за баррель. Нечто подобное может произойти и с СПГ, которым Европа заменила российский газ, что стало возможным благодаря падению производства и потребления СПГ в Китае. *Financial Times* опасается, что волна «китайской» инфляции заставит центробанки ужесточить монетарную политику. Всё это, похоже, не беспокоит МВФ: «[Самое] главное, чтобы Китай оставался на правильном пути и не отступал от открытия», – заявила Кристиана Георгиева.

Китайские провинции и регионы представили свои цели роста на 2023 год. *Global Times* сообщает, что четыре из 31 провинции ставят цель добиться роста выше 7 %, а ещё двадцать – около 6 %. Шанхай нацелен на 5,5 %. Средний показатель, рассчитанный специалистами газеты, составляет 5,95 %. Пять китайских экономистов, опрошенных *Global Times*, прогнозируют темпы роста от 5 до 5,4 %. По словам исследователя из Канцелярии Госсовета Яо Цзинъюаня, Китай сосредоточится на развитии внутреннего рынка: «Наше самое большое преимущество состоит в том, что у нас самый большой внутренний рынок в мире». Заместитель главы Chasing Research Institute У Чаоин прогнозирует, что потребительские расходы на душу населения вырастут на 8–12 %.

Инвестиционный стратег фонда Matthews Asia Энди Ротман вспоминает, что примерно за три года закрытия китайские семьи увеличили свои банковские счета на 42 %, или 4,8 трлн долларов, что равно ВВП Японии. По данным US Travel Association, в этом году США посетит миллион китайцев, что почти в три раза больше, чем в 2022 году, но составляет лишь треть от допандемийного показателя.

Капиталистический хаос без тормозов

Бывший глава отдела развивающихся рынков Morgan Stanley, а сейчас президент Rockefeller International Ручир Шарма не верит в сильное восста-

новление Китая: «Цель годового роста ВВП на уровне 5 % больше невозможна [...], потенциальный темп роста составляет 2,5 %».

Скептицизм в отношении потенциала роста Китая служит для прикрытия протекционистских мер, которыми Соединённые Штаты усеивают гоночные дорожки своих конкурентов. *The Economist* (14 января) сообщает о сообщении министра торговли Кореи Ан Дук Гына, который считает, что если Европейский союз будет подражать протекционистской политике США, то Япония, Корея, Китай и любые другие страны «будут участвовать в очень жёсткой гонке и игнорировать правила мировой торговли». Уильям Райнш, бывший заместитель министра торговли в администрации Клинтон и в течение десятилетий высокопоставленный чиновник в торговом аппарате правительства и на Капитолийском холме, обвиняет Америку в подавлении конкуренции: Вашингтон всегда хотел сохранить своё технологическое преимущество перед другими державами, но теперь использует новые способы: «[Мы] перешли от политики “беги быстрее” к политике “беги быстрее и заставь споткнуться другого парня”».

На самом деле в этом нет ничего нового: это разница между свободной конкуренцией и конкуренцией между монополиями империалистической эпохи. Это раздел мирового рынка между разбойниками. В отличие от тех, кто ностальгирует по временам свободной торговли, марксисты видят в превращении конкуренции в монополию «гигантский прогресс обобществления производства»¹.

The Economist отмечает, что Америка приняла агрессивную промышленную политику, развязав кампанию масштабных субсидий: «Однако непосредственным следствием стал запуск опасной спирали протекционизма во всём мире». Редакция считает, что ошибочно ставить цель реиндустриализации Америки, и этот процесс повлечёт за собой огромные затраты: умножение совокупных инвестиций в глобальные секторы оборудования, экологически чистой энергии и аккумуляторов обойдётся в сумму от 3,1 до 4,6 трлн долларов с инфляционными последствиями.

Пессимизм генеральных директоров

На форуме в Давосе глобальная консалтинговая фирма PwC (PricewaterhouseCoopers) представила опрос, который был проведён среди 4.400 руководителей компаний в 105 странах и представляет собой обширный срез мирового капитализма. Следует отметить, что ответы были собраны в период с октября по ноябрь, до прорыва Китая в борьбе с пандемией. 73 % респондентов ожидали замедления роста мировой экономики, что является худшим показателем с 2012 года, когда PwC в первый раз провела этот опрос; в 2020-м пандемийном году пессимистов было 53 %. Следует отметить внезапную смену настроений этих думающих голов капитала: в 2022 году доля оптимистов достигла рекордного уровня – 77 %. Большинство «деклинистов» считают, что в остальной части мировой экономики ухудшение будет более значительным, чем дома, в то время как в более международно интегрированных странах (Франции, Германии, Великобритании) произойдёт обратное. Рецензенты видят в этом признак растущего внимания к экономическому национализму.

39 % респондентов считают, что в контексте реструктуризации энер-

гетических и цифровых технологий и цепочек поставок их бизнес может оказаться нежизнеспособным через десять лет. Этот показатель увеличивается до 72 % в Японии, 67 % в Китае, 45 % во Франции и Италии и снижается до 27 % в Германии, 22 % в Великобритании, 20 % в США. Можно предположить, что там, где недавно были внедрены инновации в процессах и продуктах, пессимизм ниже, а в Азии всё ещё есть огромный потенциал для инвестиций и реструктуризации.

«Геоэкономическая фрагментация»

В этом году темой Всемирного экономического форума в Давосе стало «Сотрудничество в условиях фрагментированного мира». В своём выступлении Георгиева осудила «галопирующую геоэкономическую фрагментацию» как одно из «нежелательных последствий» политического вмешательства «во имя экономической или национальной безопасности», которое иногда «преднамеренно используется для получения экономической выгоды за счёт других». По словам главы МВФ, «мы столкнулись с призраком новой холодной войны, в результате которой мир может расколоться на соперничающие экономические блоки». Георгиеву настораживает тот факт, что при представлении своей финансовой отчётности компании десятикратно увеличили частоту упоминения таких терминов геоэкономического жаргона, как «решоринг», «оншоринг» и «ниршоринг» – все эти формулы сопровождают перераспределение инвестиций, вызванное геополитическими рисками. Таким образом, то, что сторонники деглобализации благочестиво именуют «регионализацией» или «локализацией» цепочек поставок, Георгиева называет актом «экономической фрагментации». Эти две противоположные системы терминологии призваны скрыть истинный объект спора – роль Китая на мировом рынке; «регионализаторы» хотят если не исключения китайской державы из стратегических торговых, технологических и финансовых потоков, то хотя бы её ограничения.

Георгиева представила результаты исследования МВФ по «геоэкономической фрагментации», понимаемой как результат политики, ориентированной на национальные стратегические цели или стратегии экономического соперничества между нациями или группами наций. По оценкам исследователей, долгосрочные издержки одной только торговой фрагментации могут варьироваться от 0,2 до 7 % мирового производства, в зависимости от степени фрагментации – ограниченной или серьёзной, – которую нужно достичь. В самом серьёзном сценарии ущерб будет «примерно эквивалентен совокупному годовому производству Германии и Японии». Если добавить ещё и технологический декаплинг, то потери для некоторых стран достигнут 12 % их производства.

Мультилатералистские течения буржуазии усматривают в «опасном скользком пути к геоэкономической фрагментации» ускоряющую смену эпох, нарастающие симптомы кризиса порядка. Их «прагматичный» подход подвергается испытанию как ракетами, которые опустошают Украину, так и многомиллиардными пакетами перевооружения и зажигательными бомбами протекционизма.

Lotta comunista, январь 2023 г.

Европейские хроники

Противоречия внутри ЕС вокруг ответа на протекционизм США

Мы определили планы государственного вмешательства как характеристику *второго тайма новой стратегической фазы*. Эти планы представляют собой «качественный скачок», поскольку природа вмешательства – это «государственный капитализм как выражение усиления стратегического противостояния, это структурный скачок, а не просто контрциклическое вмешательство» (Государственный интервенционизм и новая стратегическая фаза // Пролетарский интернационализм. 2021. Июнь. № 82).

Позднее к своему пандемическому фонду "Next Generation EU" Европейский союз добавил фонд "REPowerEU" – частичный пересмотр NGEU – и "Eurogreen Chips Act", анонсировал Трансграничный механизм углеродного регулирования (СВАМ) и Важные проекты общеевропейского интереса (IPCEI) в секторах микроэлектроники, водорода и аккумуляторов. Соединённые Штаты, в свою очередь, приняли пакет госфинансирования инфраструктуры "US Chips Act" для субсидирования производства полупроводников в США при условии, что предприятия откажутся от какого бы то ни было производства более технологичных чипов в Китае. Более того, США запустили "Inflation Reduction Act" (Закон об ограничении инфляции; IRA) в целях поддержать собственную электрическую и цифровую реструктуризацию. Субсидии и налоговые вычеты, предусмотренные IRA, например, для производства электрокаров и аккумуляторов, доступны исключительно в случае их размещения на территории США или другой страны, связанной со Штатами торговым договором, что противоречит правилам ВТО. Это вызвало возмущение в Европе, и в дебатах вокруг ответа ЕС на американский антиинфляционный закон сталкиваются точки зрения, предлагающие различные дозировки интервенционизма.

Договариваться или сталкиваться?

«С одной стороны – Китай, защищающий свою промышленность; с другой стороны – США, защищающие свою промышленность; с третьей – ЕС, являющийся проходным двором», – такими словами 26 октября 2022 года в интервью телеканалу "France 2" Эмманюэль Макрон мотивировал свой призыв принять «*Visu European Act*», нужный для того, чтобы «зарезервировать» субсидии в Европе для «европейских производителей». Французский президент выступил вожаком ряда стран, которые требовали от Брюсселя ответить на американский интервенционизм зеркальными мерами европейского интервенционизма. В статье "Интервенционистские дозировки на защите многосторонности" (Lotta comunista, декабрь 2022 г.) мы писали, как Макрон в ходе поездки в США в конце ноября пытался убедить европейцев в своих планах, опираясь на линию Кэтрин Тай: в ответ на жалобы на американские субсидии торговый представитель США рекомендовала ЕС принять собственный антиинфляционный закон.

В Европейской комиссии Макрон мог рассчитывать на поддержку комиссара по экономике Паоло Джентилони и комиссара во внутреннему рынку Тьерри Бретона. Оба проталкивали идею «Суверенного фонда», предложенного президентом Комиссии

Урсулой фон дер Ляйен, но предупреждали, что новые направления финансирования потребуют создания новых европейских долгов.

Комиссары по конкуренции и торговле Маргрет Вестагер и Валдис Домбровскис, похоже, ближе к немецкой линии, которая стоит на защите мультилатерализма. В интервью 17 декабря левоцентристской газете *Süddeutsche Zeitung* германский канцлер Олаф Шольц высказался против протекционизма: «Никто не может быть заинтересован [в торговой войне]». Американский IRA содержит «ограничения», которые «мы не можем принять», поэтому и «говорим об этом с Соединёнными Штатами, чтобы иметь возможность продолжать хорошие торговые отношения». Фундаментальный элемент видения Шольца можно обнаружить в его статье "Глобальная Zeitenwende", опубликованной на страницах *Foreign Affairs*, – это стремление сохранить торговую открытость и даже расширить её на "развивающиеся" страны, чтобы избежать разделения мира на два блока.

Из совместного декабрьского документа министров экономики Франции и Германии Брюно Ле Мэра и Роберта Хабера можно заключить, что, видимо, немецкая линия победила. Министры предлагали вместе с США разработать общие правила доступа к субсидиям; требовали от ЕС защищать свои «более гибкие» правила о доступе к господдержке и разработать новую процедуру, чтобы предоставить субсидии «ключевым промышленным секторам» (*Politico.eu*, 20 декабря).

Эта линия переговоров, а не столкновения, с Вашингтоном дала первые плоды в конце декабря, когда министерство финансов США опубликовало рекомендации по внедрению IRA, в которых предусмотрены уступки европейцам. Однако в действительности определены ещё не все детали этих уступок.

Предупреждения Вашингтону

Интересный комментарий по этому поводу дал Домбровскис на страницах *Financial Times* от 31 декабря. По мнению исполнительного вице-президента Еврокомиссии, IRA, будучи отчасти попыткой США сократить их зависимость от Китая, может иметь противоположный эффект для Европы, для которой станут более привлекательными «открытие и предложения» со стороны Пекина. Хотя Домбровскис и считает, что ЕС может лучше управлять своими субсидиями, но не хочет запуска государственной поддержки. Помимо того, что это может быть «дорого и неэффективно», существует риск «спровоцировать новые торговые ограничения во всём мире».

Домбровскис не просто устанавливает связь между переговорами ЕС – США и позицией Европы в отношении Китая, но и указывает на возможные последствия для мирового экономического цикла перехода ЕС к протекционизму, если он последует предложению Кэтрин Тай. Отвергая линию Тай, европейский комиссар демонстрирует согласие с Шольцем в стремлении защищать либеристский знак экономического цикла.

Второй тайм дебатов

Согласно *Financial Times* от 14 января, Париж за кулисами продолжает призывать Европейскую комиссию к

ФИЗИК, ГЛАВНЫЙ БАНКИР И ФУНКЦИОНЕР-ВУНДЕРКИНД ЕВРОПЕЙСКОЙ ПАРТИИ

Рождённый в 1971 году, Валдис Домбровскис окончил университет в родной Риге, в Латвии, по направлениям физики и экономики. Получив опыт работы лаборантом в Институте физики Майнцского университета в Германии, затем проведя один год в Университете Мэрленда в США, Домбровскис стал работать в латвийском центральном банке в 1998 году. С 1991 по 2001 год главой ЦБ был Эйнарс Репше, тоже физик по образованию. В 1990-е годы Репше управлял экономическим переходом страны и введением латвийского рубля, затем его трансформацией в лат. В 2002 году, спустя десять лет на посту главы ЦБ, Репше основал партию "Новое время", причём одним из сооснователей был Домбровскис. Впоследствии со слиянием партии с другими организациями образовалась партия "Единство". Электоральная победа партии Репше в 2002 году позволила ему стать премьер-министром, на тот момент Домбровскису было всего 31 год и его назначили министром финансов. После отставки правительства в 2004 году Домбровскис занял кресло депутата Европарламента.

Глобальный кризис 2008 года тяжело затронул и Латвию, в итоге в 2009 году под давлением политики и площади премьер-министр Ивар Годманис ушёл в отставку, освободив место для тридцатисемилетнего Домбровскиса. Как и в других странах, в период кризиса латвийская буржуазия призвала на правление технократа монетарной власти. Домбровскису ставят в заслугу преодоление кризиса и присоединение страны к зоне евро. Латвия была вынуждена проглотить таблетку финансовой строгости и обратилась за займом в 7,5 млрд евро, который ей с согласия ЕС предоставил МВФ. В ходе кризиса Домбровскис удержал фиксированный обменный курс лата и евро, что и позволило Латвии перейти на общую валюту 1 января 2014 года.

После этого он вернулся в Брюссель, где в 2016 году стал европейским комиссаром по финансам, а также вице-президентом Еврокомиссии. В 2019 году, когда Урсула фон дер Ляйен стала её президентом, сфера ответственности Домбровскиса была расширена. Помимо сохранения должности комиссара, он вошёл в тройку исполнительных вице-президентов Еврокомиссии – эта должность значительнее обычного комиссара. Когда в 2020 году Фил Хоган уволился с поста комиссара по торговле, Домбровскис изменил портфель своих полномочий, включив туда торговлю. Слово функционера имеет вес по вопросам торговых соглашений, инвестиционного соглашения с Китаем (CAI) и европейского ответа американским субсидиям.

большому интервенционизму, на этот раз под знаком стратегии «*сделано в Европе*». Бретон и Джентилони также возобновили своё наступление в январе, пугая призраком деиндустриализации Европы и предупреждая, что в отсутствие европейского фонда национальные субсидии приведут к нечестной конкуренции внутри ЕС. Вестагер признаёт обоснованность второго аргумента, однако её позиция отлична в том, что касается финансирования возможного общего фонда. Несомненно, этот вопрос станет одним из ключевых в грядущих дебатах.

СДПГ тоже заявила, что готова к проведению промышленной политики за счёт европейских фондов. Её парламентская группа опубликовала декларацию, в которой требует «европейского наступления в области промышленных инвестиций», которое двинуло бы вперёд «европейский суверенитет» в таких сферах, как «энергетика, технологии, сырьевой сектор, квалифицированная рабочая сила и цифровизация». СДПГ намеревается финансировать его за счёт ещё неизрасходованных средств из фонда NGEU и добавляет, что «другие инструменты общего финансирования нужно учитывать в конструктивном порядке». Парламентская группа немецких социал-демократов призывает также к новому договору о свободной торговле с Соединёнными Штатами, чтобы создать «общее трансатлантическое экономическое пространство», и к реформе ВТО, чтобы продвигать «свободную и равную мировую торговлю» (*Handelsblatt*, 12 января). В этом отношении существует единство СДПГ и СвДП: лидер Свободных демократов и одновременно министр финансов Кристиан Линднер защищает идею возобновления переговоров о Трансатлантическом инвестиционном партнёрстве (ТТИП), прерванных Дональдом Трампом в 2016 году.

Можно задаться вопросом, до какой степени предложение СДПГ, встраивающее промышленную политику в перспективу либеризма и защиты мультилатерализма, может вдохновить европейский компромисс вокруг дозировок интервенционизма, который одновременно служил бы защите мультилатерализма. Если судить по опубликованному в прессе письму Вестагер европейским столицам от 13 января, на данный момент ЕС обращается к более гибким правилам предоставления государственной поддержки и намеревается создать европейский фонд, основанный на существующих ресурсах.

Lotta comunista, январь 2023 г.

Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм

272 стр., твердый переплёт,
примечания, биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Дилеммы Москвы в отношении своего ближнего зарубежья

Год назад, в январе 2022-го, российские войска под знаменем ОДКБ, военной организации, созданной Москвой совместно с некоторыми государствами бывшего СССР, вмешались в подавление антиправительственных протестов в Казахстане. Месяц спустя, 24 февраля, российские вооружённые силы начали войну на Украине, вторгшись в неё.

Эти два эпизода свидетельствуют о том, что контроль над ближним зарубежьем является больным местом для российского империализма.

Не только Украина

В течение года в этой зоне разгорелись другие кризисы. В сентябре столкновения в Центральной Азии между Кыргызстаном и Таджикистаном: в центре спора не этнические различия, а доступ к важным водным бассейнам в этом регионе, которые уже более тридцати лет являются поводом для периодических столкновений. Это тонкая шахматная доска из-за близости к Афганистану, с которым граничит Таджикистан. Российская газета «Ведомости» (17 августа 2022 г.) отметила, что для таджиков доверять России в сдерживании давления Талибана сложно, учитывая «запутанные» отношения Москвы с последним; то же самое касается Китая, союзника Пакистана, другого громоздкого соседа. Отсюда и упор на поддержание хороших отношений с Соединёнными Штатами, пусть и не доводя до разрыва альянсов.

В июле произошли протесты в Узбекистане, с 2020 года являющемся государством-наблюдателем Евразийского союза (ЕАЭС): столкновения и гибель людей сопровождали требования автономистов в Республике Каракалпакстан на западе страны. По мнению Александра Воробьева, научного сотрудника Института востоковедения РАН и эксперта Российского совета по международным делам (РСМД), «интернационализация» кейса может стать «определённой проблемой для властей Узбекистана» — он намекает на риск усиления «вмешательства коллективного Запада» (РСМД, 11 июля).

Ещё более значительными были возобновившиеся в сентябре столкновения на Кавказе между азербайджанцами и армянами: по данным *Le Monde* (14 сентября), число погибших составило 100 человек, после того как в 2020 году война в Нагорном Карабахе уже унесла 6,5 тысяч жизней. На той же неделе тогдашний спикер Палаты представителей США Нэнси Пелоси, вернувшись из своей спорной летней поездки на Тайвань, «совершила набег на Армению, задний дворик Путина, с официальным визитом» (*Il Foglio*, 20 сентября).

«Растерявшаяся» Москва

Поразительным элементом во всех этих эпизодах является явно отстранённое отношение Москвы, учитывая, что Кыргызстан и Таджикистан являются членами ОДКБ, как и Армения, в отличие от поддерживаемого Турцией Азербайджана. Это заставило не один источник предположить, что Россия, «растерявшись» из-за войны на Украине, теряет контроль и влияние над своим «задним двориком».

Некоторые события указывают на это. В конце ноября в Ереване, столице Армении, состоялось внеочередное

заседание самой ОДКБ: здесь прозвучала явная критика недостаточного внимания со стороны Москвы. Хозяин саммита, премьер-министр Никол Пашинян, заявил: «Удручает то, что членство Армении в ОДКБ не сдержало Азербайджан [...] Эти факты наносят огромный урон имиджу ОДКБ» («Ведомости», 24 ноября). Месяц спустя тот же Пашинян гипотезировал о замене явно неэффективных российских миротворческих сил в регионе международным контингентом (*The Moscow Times*, 29 декабря).

Столь же ясно высказался Касым-Жомарт Токаев, недавно переизбранный президент Казахстана: «Повышенная турбулентность в международных делах не обошла и пространство ОДКБ». Ссылка на то, что на Россию воздействует ситуация на Украине, очевидна: «Считаю, что наступило время совместного коллективного поиска формулы мира. Любая война завершается мирными переговорами. Нужно использовать любой шанс для достижения хотя бы перемирия» (Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 23 ноября). Критическая позиция, которая также отразилась в том, что Казахстан принял десятки тысяч молодых россиян, бежавших от военной мобилизации, объявленной в сентябре.

Влияние и зависимость

Однако это не означает, что Москва полностью утратила контроль, особенно в Центральной Азии. Темур Умаров (Центр Карнеги, 20 декабря) пишет, что, вопреки декларациям, «формальные показатели, напротив, рисуют картину бурного сотрудничества»: растущая торговля, значительная миграция в обоих направлениях, встречи на высшем уровне.

Казахстан показателен в плане отношений России с зарубежными соседями. Артём Данков, директор Института Конфуция Томского государственного университета, считает, что «не стоит ожидать отдаления Казахстана от России в ближайшие годы, тем более что две страны во многом являются частью единого экономического и социального организма». В то же время, однако, «политика «многовекторности» позволяет властям Казахстана усилить «попытки избавиться от чрезмерной, на их взгляд, зависимости от экономики России» (РСМД, 29 ноября). В этом, очевидно, решающую роль играет китайский вектор, новая региональная и глобальная сила.

Скользкий гребень

Именно на этом гребне, между историческим влиянием и новыми вызовами, должна двигаться политика Москвы. Эта проблема касается всего ближнего зарубежья, и в частности Евразийского союза: явно созданный по образцу Европейского союза и отталкивающийся, таким образом, от экономики, он демонстрирует хорошо заметные трещины в решении политических вопросов, как показывает критическая реакция на войну на Украине.

Ещё до начала вооружённого конфликта, в декабре 2021 года, Международной дискуссионный клуб «Валдай» посвятил этой теме доклад «Пространство без границ: Россия и её соседи» под редакцией Тимофея Бордачёва.

ВОЙНА УСГУБЛЯЕТ НЕХВАТКУ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Эльвира Набиуллина, председатель Центрального банка России, в своём заявлении от 16 декабря указала на нехватку рабочей силы как на одну из текущих и будущих проблем Москвы, особенно в таких отраслях, как промышленность, транспорт, логистика и строительство. Этот представитель российского империализма опасается, что «зарплаты будут расти темпами выше производительности труда».

Тенденция демографического спада, а значит, и численного сокращения рабочей силы, в России существует давно. К конъюнктурным факторам этого дефицита, однако, можно отнести «частичную мобилизацию», объявленную в сентябре по причине войны на Украине. С двух точек зрения: во-первых, потому что она изъяла из привычной жизни 300 тысяч человек, в основном работающих или трудоспособных, поскольку студенты были исключены; во-вторых, потому что именно объявление мобилизации усилило эмиграцию.

По данным Министерства экономического развития, рабочая сила в возрасте старше 15 лет сократилась в сентябре на 600 тысяч человек: с 75,5 до 74,9 миллиона. По данным демографа Алексея Ракши, страну покинули 300–350 тысяч человек. По мнению преподавателя Московского государственного университета Натальи Зубаревич, речь идёт о потере наиболее квалифицированного городского мужского населения «которое предпочитает уехать, чтобы не быть мобилизованным» (*The Moscow Times*, 3 ноября 2022 г.). Министр цифрового развития Максуд Шадаев, однако, отмечает: часть из них по-прежнему работает удалённо в российских компаниях.

По данным немецкой газеты *Handelsblatt* (24 августа), которая цитирует Росстат, уже с января по май 2022 года население страны сокращалось на 86 тысяч человек в месяц. На этот показатель также повлияла миграция квалифицированной рабочей силы, в основном в Грузию.

Другой стороной этого феномена является приток рабочей силы в соседние страны. Именно в Грузию, как говорят, прибыло 100 тысяч россиян, увеличив население страны на 3%. В Армению прибыло 40 тысяч человек, что составляет 1,5% её населения. В основном речь идёт о взрослых людях, преимущественно с высшим образованием и относительно высоким уровнем доходов, настолько, что переводы в банки Грузии составили 1,1 миллиарда долларов, то есть 6% ВВП страны, а в банки Армении поступило более 2 миллиардов, что составляет 15% ВВП (*The Moscow Times*, 5 декабря).

В нём был изложен тезис о том, что до сих пор «силовое доминирование России на геополитическом едином пространстве является абсолютным», но «возвышение Китая привело к изменению традиционной силовой структуры мира». В новом мировом порядке «сама сущность так называемого постсоветского пространства как единого целого в международно-политическом отношении размывается, но не посредством его распада», а скорее «через формирование более широких сообществ», в которых «Россия остаётся самым мощным игроком».

Здесь чётко обозначен «гребень», по которому должна двигаться Москва: она больше не может воспринимать соседней «как зоны своего априорного влияния», но в то же время ей следует учитывать, что «за спинами стран-соседей не стоят державы, сопоставимые с Россией по силовым возможностям». Короче говоря, Россия должна стать «наиболее сильным государством их ареала, которое несёт ответственность за безопасность на общем пространстве и интересы которого являются объективно доминирующими». Непростое политическое упражнение для Москвы, которая, с одной стороны, должна признать неизбежную региональную автономию, а с другой, хочет сохранить прочное влияние.

В декабре 2022 года, после десяти месяцев конфликта, под руководством того же Бордачёва выходит ещё один доклад «Центральная Азия и украинский кризис», в котором признаётся, что внимание России к региону «по понятным причинам несколько ослабло», тем самым эти страны оказались под серьёзным внешним давлением. И речь идёт не только о Запале. Хотя «конкуренция между Россией и КНР в сфере безопасности нет», Пекин, «видя для себя возможности», также «начинает вовлекаться в военные и по-

литические вопросы, что раньше хотя и происходило, но с меньшей интенсивностью». И Турция тоже «повышает уровень диалога с центральноазиатскими партнёрами».

Мы имеем дело с очередным подтверждением того, что поддержка со стороны ближнего зарубежья Кремлю отнюдь не гарантирована, он должен завоевать её, двигаясь осторожно, учитывая особые интересы.

Юнионистские амбиции

Естественно, что в начавшихся в Москве дебатах по этому вопросу слышны различные позиции. Вячеслав Сутырин, проректор Государственного академического университета гуманитарных наук, подчёркивая низкий политический вес России в соседних странах, призывает к усилению координации по ключевым вопросам внешней политики и безопасности («Валдай», 28 ноября). «Сильная Россия — главный фактор сохранения военно-политической стабильности огромного по площади региона бывшего СССР». И для полноценного выполнения этой роли автор также не исключает форм политического объединения.

Моделью в этой области является союзное государство России и Беларуси. Эта модель «не идеальна и далека от завершения, но она имеет зримые результаты и перспективы». И наоборот, политика «многовекторности» других стран в регионе «показывает, что неразборчивость в связях и неспособность элит выстроить прочные отношения с Россией приводят к кризису государственности». Здесь, помимо Казахстана, речь, очевидно, идёт об Украине, которая вместе с Россией и Беларусью должна была стать одним из «углов» так и не сложившегося евразийского квадрилатера.

Российские хроники

Нейтрализация энергетического оружия Москвы

На протяжении долгого времени анализируя международные связи Москвы, мы выделили два её инструмента, традиционно используемые в отношениях с Европой – энергетическое Рапалло и энергетическое оружие, – отражающие две стороны диалектики единства и раскола империализма.

Но сейчас, в момент ускорения мирового противостояния, вызванного войной на Украине, будущее этих двух столпов ставится под сомнение и, возможно, уже в среднесрочной перспективе мы станем свидетелями окончательного расторжения энергетического Рапалло и нейтрализации энергетического оружия Москвы.

Самоубийство “Газпрома”?

В январском номере мы приводили радостные слова трибуны “промышленной” фракции российского капитала о том, что в 2021-ом и части 2022 г. нефтегазовые группы «купались в деньгах», но уже по итогам 10 месяцев этого года поводы для оптимизма испарились: сальдо их прибылей и убытков обвалилось на 19,4 % в годовом выражении, лишь 57,4 % компаний оказались прибыльными (“Ведомости”, 23.12.2022).

Такова немедленная цена, которую отрасль заплатила, прежде всего, за разрыв – пока не полный – энергетической связи с Европой, произошедший прямо на наших глазах. Естественно, он катастрофически отразился на одном из столпов этой связи – крупнейшей группе российского империализма – “Газпроме”. Как пишет *The Moscow Times* от 30 декабря, по итогам года “Газпром” продал в дальнее зарубежье вдвое меньше газа, чем годом ранее, а его поставки в Турцию и европейские страны стали самыми низкими в современной истории России. Теперь он, не имея рынков сбыта, «вынужден сокращать добычу со скоростью, которой статистика газовой промышленности не видела ни разу в истории». Партнёр RusEnergy Михаил Крутихин категоричен: “Газпром” совершил “самоубийство” в качестве участника мирового газового рынка.

Всё это спровоцировало жёсткие политические заявления. Глава МЭА Фатих Бироль не сомневается: Россия навсегда потеряла европейский рынок нефти и газа.

Безусловно, такие перспективы должны приниматься в расчёт, но мы бы не были столь категоричны, российский капитал неизбежно будет противостоять этой тенденции, и кто знает, какие потрясения ждут союзы империалистических держав даже в среднесрочной перспективе.

“Добровольный” фискальный груз

Громкие успехи нефтегаза до войны на Украине не подолжающийся рост бюджетного дефицита привели Минфин к идее «изъять часть сырьевой сверхприбыли». Для этого были проведены обсуждения только с участием «нефтяников, газовиков, угольщиков и удобрещиков», но без привлечения РСПП как организации всех крупных предпринимателей, как признался Антон Силуанов в интервью, опубликованном пресс-службой на сайте ведомства 24 октября, и достаточно быстро «компромисс [был] найден». А РСПП осталось лишь по-

жаловаться Мишустину, что «вопреки существовавшей ранее традиции» инициатива не прошла «надлежащего и всестороннего обсуждения с предпринимательским сообществом». Как бы то ни было, уже 10 ноября Госдума приняла итоговую версию закона о росте налогов в 2023–2025 годах для нефтегазового сектора.

Как видим, интересы “сырьевой” (прежде всего, нефтегазовой) фракции в большой степени сращены с интересами российской буржуазии в целом, а её вес по сравнению с другими группировками настолько велик, что в нынешних условиях обострения мирового противостояния она может позволить себе совершенно не интересоваться их мнением.

При этом в отличие, к примеру, от металлургов, которые через свою ассоциацию “Русская сталь” периодически вступают в конфликт с государственными органами, фракции, не вписавшиеся в консенсусную линию, призванную обеспечить краткосрочные потребности класса, были вынуждены довольствоваться критикой инициативы постфактум на ресурсах оставленного не у дел РСПП и профильных академических изданий. Однако к этим критическим тезисам всё же стоит присмотреться, они возникли не на пустом месте и отражают реальные риски, с которыми может столкнуться российский нефтегаз.

Страх инвестиционного голода

Недовольные беспокоятся, прежде всего, о том, что увеличение фискальной нагрузки «отразится на выплате дивидендов и заставит компании сократить инвестиции в новые проекты». «Неблагоприятная конъюнктура на внешних рынках уже привела к заморозке некоторых добычных активов, а рост налогов спровоцирует новую волну закрытия промыслов. В долгосрочной перспективе такие действия госрегуляторов могут отозваться серьёзным снижением производства сырья», – резюмировала эксперт Института развития технологий ТЭК Елена Зотова. Отметим, однако, что по крайней мере в краткосрочной перспективе капиталов у крупных нефтегазовых групп вполне достаточно, а проблемы с инвестированием могут возникнуть скорее по причине отсутствия технологий и спроса.

И всё это будет происходить в ситуации, когда азиатский поворот, напротив, будет требовать опережающего роста инвестиций измеряемого триллионами рублей.

Заплатит же за эту инициативу, как всегда, наш класс. «Повышение НДС на нефть, уголь и газ приведёт к росту цен на это сырьё и на продукты переработки на внутреннем рынке. [...] поднять цены на экспортные партии будет непросто, поэтому рост налогов» ощущат на себе российские покупатели.

Три мрачных сценария

МЭА в докладе “World Energy Outlook 2022” рассматривает 3 сценария развития мировой энергетики до 2050 года. “Net Zero Emissions by 2050” (NZE) предусматривает, что средняя глобальная температура стабилизируется на отметке на 1,5 °C выше доиндустриального уровня. “Announced

Pledges Scenario” (APS) предполагает, что правительства полностью и своевременно выполнят все заявленные обязательства, связанные с климатом. “Stated Policies Scenario” (STEPS) рассматривает не заявления правительств, а их действия по достижению поставленных целей и задач, и основан на подробном анализе политики и мер, которые уже приняты или разрабатываются в различных областях. Вывод МЭА категоричен: «Российский экспорт ископаемого топлива никогда не вернётся – ни в одном из наших сценариев – к уровням 2021 года, а в сценарии STEPS его доля в международной торговле нефтью и газом упадёт вдвое к 2030 году».

К таким же выводам приходят и некоторые американские комментаторы. Так, *Russia Matters*, очевидно, озвучивая цели, преследуемые в этой игре американским империализмом, пишет: «[...] в долгосрочной перспективе Россия, скорее всего, превратится из “стратегического нефтяного государства” – слишком значимого на мировых энергетических рынках [...] – в “ограниченную энергетическую державу».

Нельзя сказать, что подобные перспективы не рассматривались и российскими правящим классом: ещё в начале 2018 года Центр исследований в области энергетики бизнес-школы “Сколково” выпустил доклад “Перспективы российской нефтедобычи: жизнь под санкциями”, где указал, что до 2025 года разница между его “Базовым сценарием” (сохранение статус-кво) и сценарием “Усиление санкций” (правда, не в том объёме, что мы наблюдаем сегодня) будет незначительной, так как «основная часть вводимых в ближайшие годы проектов уже профинансирована и может эффективно работать при цене нефти в 40 долл./барр.», однако после 2025 года поддержание объёмов добычи нефти будет становиться всё более сложной задачей – в первую очередь в связи с ростом трудноизвлекаемых запасов и ухудшением качества нефти. Усугубит ситуацию тот факт, что санкции имеют накапливающийся эффект, по принципу “сложного процента”, и уже к 2030 году разрыв между этими сценариями может увеличиться до 10 % от текущей добычи, далее эта разница будет нарастать ускоренными темпами, и «чем дольше рассматриваемый период, тем сильнее потенциальное технологическое отставание, дефицит финансирования и негативный эффект от санкций».

Сценарии надежды

С другой стороны, есть факторы, на которые российский империализм делает ставку, чтобы противостоять этой динамике. Замгендиректора Института национальной энергетики Александр Фролов, твёрдо стоящий на защите интересов российского правящего класса и часто интервьюируемый его ведущими изданиями, утверждает, что модернизация нефтеперерабатывающих заводов и переориентация поставок с Запада на Восток уже идёт многие годы, «2022 год показал, что эта стратегия была не просто правильной», но и «безальтернативной». Его надежды связаны с “растущими” экономикой – в первую очередь, Китаем и Индией, – которые должны увеличивать промышленное

производство и вместе с этим – потребление энергоносителей.

Правда, ведущий аналитический журнал нефтегазовой отрасли России и соседних стран “Нефть и Капитал” утверждает, что поставки газа в Китай «смогут достигнуть хотя бы 100 млрд кубометров», а это на треть меньше поставок ЕС в 2021 году, «не раньше 2028–2029 гг.».

Нельзя также исключать и кажущегося сейчас невероятным варианта восстановления энергетической связи России с Европой. Так, министр энергетики Катара и глава QatarEnergy Саад Шерида аль-Кааби заявил на Всемирном энергетическом форуме в Абу-Даби: «Европейцы сегодня говорят, что не вернутся к российскому газу, но [...] со временем это изменится».

Кроме того, имеются перспективы, связанные с экспортом СПГ: не подпадая под санкции, он на равных правах с другими участниками рынка продолжает поступать на премиальный европейский рынок, и за 11 месяцев этого года его поставки в Европу были выше, чем в Азию. Европа при этом продолжает наращивать приёмную инфраструктуру. Но и конкуренты России не сидят сложа руки: на всё том же форуме в Абу-Даби глава крупнейшего газового производителя США EQT Тоби Райс заявил, что Штаты готовы снабжать Европу газом по ценам кратнее тех, что фиксируются на спотовом рынке.

Вынужденный френдшоринг

Каким же образом трансформация энергетических рынков отразится на системе союзов унитарного империализма и какими издержками обернётся для ведущих держав? В нашей газете мы настойчиво обращаем внимание на то, что США инициируют линию управляемого френдшоринга. Российский же империализм – в силу своей относительной слабости – подвергается вынужденному френдшорингу, продавая углеводороды со значительными скидками в Индию, Китай, Турцию.

ЕБРР выпустил свежую статью “Economic Costs of Friend-Shoring”, где утверждает, что от замены “свободной” мировой торговли френдшорингом проиграет мировая экономика в целом, но Россия окажется среди проигравших в наибольшей степени.

Неизбежный упадок

В очерке “Империализм, как высшая стадия капитализма” Ленин писал: «Через десяток-другой лет “мыслимо” ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо»¹. К 30-ым годам XXI века мы подойдём с совершенно другим соотношением сил держав, но одно можно сказать точно – какие бы действия ни предпринимал российский империализм, такие факторы, как начавшееся второе потерянное десятилетие в экономике (затягиваемое неэффективной монетарной и бюджетной политикой), демографическая катастрофа, усугубляемая войной, и эффект “сложного процента” санкций будут планомерно уменьшать его вес на арене мирового противостояния.

Январь 2023 г.

Авантюры “русского мира”

Особый путь как компенсация экономической отсталости

В 1898 году начальник Николаевской академии Генерального штаба Н. Н. Сухотин опубликовал брошюру “Война в истории русского мира”. Во вступлении автор пишет: «Справедливо трепещет современное общество, особенно богатый культурным счастьем западный мир, в предвидении надвигающегося боевого урагана, угрожающего пронестись по всей вселенной, оставив следы небывалого разрушения [...]. Кто в этой мировой катастрофе сохранится и восторжествует, кто исчезнет и погибнет – дело будущего; но все государства большие и малые деятельно готовятся к событиям, и никогда ещё в истории народов на подготовку к войне не отдавалось повсюду столько средств, времени, умственных сил, как в настоящее время»¹. Первая мировая империалистическая война начнётся шестнадцать лет спустя, но все крупнейшие державы уже в полной мере вели подготовку к ней.

Начавшаяся гонка вооружений забирала четверть российского государственного бюджета. В этих условиях, желая остановить рост военных расходов, царская дипломатия выступила с инициативой о созыве международной конференции мира. Министр иностранных дел М. Н. Муравьев 12 августа 1898 года направил ноту аккредитованному в России послу. В ней говорилось, что «высший долг для всех государств» заключается в «охранении всеобщего мира» и изыскании средств предупреждения угрожающего «всему миру несчастья»².

В это самое время прогрессивное общество упивалось ощущением *Belle Époque*. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета Михаил Туган-Барановский говорил писательнице Ариадне Тырковой-Вильямс: «Неужели вы воображаете, что через тридцать лет в Европе ещё будет существовать частная собственность? Конечно, нет! Пролетариат всё это сметёт. Исчезнет к тому времени и полицейское государство. Все будут свободны. Не забывайте, что люди учатся летать. При развитии авиации полицейское государство не может существовать. Воздух не знает ни грани, ни паспортов»³.

Иллюзорное ощущение мирного поступательного капиталистического развития позволяло легальному марксисту Туган-Барановскому витать в облаках вместе с будущим членом ЦК партии кадетов Тырковой-Вильямс. Но в то же самое время, вопреки их иллюзиям, противоречивое капиталистическое развитие приближало грозную империалистическую эпоху – время войн и революций.

Сухотин, должно быть по роду службы, лучше ощущал дух эпохи: «И когда придёт время, каждое государство выставит на борьбу многомиллионные полчища», которые «по своей смертоносности» превзойдут «всё, что было до сих пор»⁴.

Исходя из этого и не забывая о том, что «наша тысячелетняя военная история полна свидетельствами, ясно указывающими, что у нас было много “непорядка” и что мы очень часто терпели неудачи и жестоко платились многими жертвами за наше незнание, за наше неумение»⁵, верный слуга русского царизма выражал обеспокоенность по поводу того выдержит ли армия затяжную войну промышленного масштаба, не будет ли сломлен её дух.

Мифология войн “русского мира”

С 1368 по 1893 год, по подсчётам Сухотина, Россия провела в войнах

353 года, то есть две трети своего существования с момента распада Монгольской империи. Из них на внешние войны пришлось 305 лет, 24 года шла война на Кавказе, столько же длились междоусобицы. Дольше всего Россия воевала на западном направлении – 180 лет, 156 – на восточном и 129 – на южном. Порой войны велись сразу на нескольких направлениях.

Если целью войн России на Западе Сухотин называет утверждение и поддержание политического равновесия в Европе, то на Востоке и Юге царизм, по его словам, приобщал народы к культурной жизни. Приобщение, как известно, проводилось сначала посредством казачьей нагайки, а затем кабальных купеческих сборов. В общем, утверждает Сухотин, «война всегда была у нас делом народным»⁶. Таков главный миф “русского мира”, который посредством бессодержательной идеологической конструкции “народ” затушёвывает факт раскола общества на антагонистические классы. Факт, который Сухотину пришлось признать во время первой русской революции, когда он подавлял выступления рабочих в Сибири.

Другой расхожий миф утверждает, что если Запад обычно вёл «войны обоснованные эгоизмом в его разнообразных проявлениях и формах», то войны “русского мира” шли на пользу «общему благу, высшей правде»⁷. Венгры, поляки и многие другие вряд ли с этим согласятся.

Ещё один миф гласит: «Идея нападения не в характере, не в свойствах русской вооружённой силы». Именно поэтому, пишет Сухотин, России присущ «обычный нерешительный приступ к наступательной войне, почти всегда сначала с недостаточными силами; всегда приступ к войне точно поневоле, нехотя; точно желалось произвести нападение только в силу надобности; точно расчёт на пробу достигнуть цели с наименьшим напряжением»⁸. Сибирь, Финляндия, Китай, государства Центральной Азии и не только могут с этим поспорить.

Материальная основа мифа о российской военной мощи

Миф о силе русского оружия играл особую роль на протяжении всей истории государства. Вышедший из крепостных придворный историк-панславист Михаил Погодин в 1838 году в письме будущему императору Александру Николаевичу вопрошал: «Может ли кто состязаться с нами и кого не принудим мы к послушанию? В наших ли руках политическая судьба Европы и, следовательно, судьба мира, если только мы захотим решить её?»⁹

Объяснение этого мифа находится в относительной отсталости российского экономического базиса, которая компенсировалась верой в военную мощь. В реальности же, как писал осенью 1891 года Ф. Энгельс А. Бебелю, «военные круги в России так преувеличивают свою боевую готовность, что если даже сбросить со счёта 30 % их оценки, то дипломатия всё ещё будет переоценивать боеспособность армии. Из всех факторов, которые ей приходится учитывать, сила собственной армии меньше всего поддаётся учёту»¹⁰.

В июле 2015 года, рассматривая социальные метаморфозы романовской монархии, мы цитировали историка-большевика М. Н. Покровского, который в трёхтомной истории России подчёркивал, что «хозяйкой положения при дворе была гвардия, т. е. дворянство, воору-

жённое и организованное»¹¹. Один из известнейших российских правоведов Б. Н. Чичерин называл форму правления того времени “политической аристократией”, указывая при этом на “военный” характер её происхождения.

К началу XX века российское дворянство, писали мы в той же статье, «под воздействием развития капитализма прошло процесс естественного разложения: у одних представителей этого сословия от былого величия остался лишь родовый герб, другим удалось его выгодно продать и тем самым нажить первоначальный капитал, третьи же составляли военно-политическую элиту российского государства. Но как бы ни развивалась судьба той или иной дворянской семьи, жизненным вопросом класса в целом оставался вопрос о собственности. [...] накануне первой русской революции дворянам всё ещё принадлежало 61,9 % земель [...]. Именно это было материальной основой власти “мастодонтов и ихтиозавров” помещичьего землевладения, наживавших свои капиталы на экспорте зерна в Европу. Это была наиболее реакционная сила Российской империи, удерживавшая ведущее положение в государстве, для которой “сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима” было вопросом “жизни и смерти”»¹².

В 1896 году в “Объяснении программы социал-демократической партии” В. И. Ленин писал: «Дворянами-землевладельцами замещаются главным образом высшие государственные должности (да и по закону дворянское сословие пользуется наибольшим правом на государственную службу); знатные помещики стоят ближе всего к двору и пряmee и легче всех склоняют на свою сторону политику правительств»¹³. В том числе, акцентируем внимание, внешнюю завоевательную политику русского царизма.

При этом, как писал К. Маркс, «ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹⁴. Начавшееся вслед за поражением в Крымской войне «бурное развитие промышленности и расширяющиеся связи с мировым рынком неизбежно всё в большей мере вынуждали превращаться в буржуа многих вчерашних помещиков-крепостников»¹⁵. И это ещё не всё. Сотрудник Института истории АН СССР И. Ф. Гиндин в своём труде “Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы)” указывал, что «сохранение и укрепление политического господства крепостников-помещиков [...] было возможно лишь при условии экономического роста страны, движения её вперёд по пути капитализма. Более того, само продление исторического существования полукрепостнических латифундий стало возможным лишь путём их совмещения с капиталистическим развитием страны и некоторой перестройки этих латифундий на капиталистический лад», вот почему «при всей противоречивости и непоследовательности экономической политики царского правительства способствовало капиталистическому развитию стало главным её направлением»¹⁶.

Тем не менее, констатировал Ленин в 1915 году в брошюре “Социализм и война”, хотя «в России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии,

но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм»¹⁷.

Недопрорубленное окно в Европу

Петровские реформы, великая революция сверху, не были доведены до конца. Попытавшиеся их завершить декабристы потерпели поражение. Неудачная революция снизу сменялась тридцатилетием николаевского застоя. Именно на этом болоте проросла идеология особого пути, взращённая под бдительным оком Погодина и министра просвещения графа Уварова. Десятилетия бурного капиталистического развития Российской империи, исходным пунктом которых стала чудодейственная оплеуха Крымской войны, вновь обострили реакционный патриотический зуд Н. Данилевского, Ф. Достоевского, К. Леонтьева, К. Победоносцева, Л. Тихомирова.

Таким образом, вплоть до первой империалистической войны сохранялись материальные основы идеологии “русского мира”, то есть особого силового пути реализации высшей правды, иными словами, интересов самодержавия. Эта идеология берёт своё начало в националистическом романтизме, характерном для многих европейских стран догоняющего развития начала XIX века. Столетие спустя она в некотором смысле повторяет судьбу немецкого *Sonderweg* эпохи Веймарской республики и Третьего рейха и через фазу самоутверждения в единстве и борьбе противоположностей на рубеже нынешнего тысячелетия переходит к *дикой любви-ненависти к Западу*, которая завершается почти буквальным воплощением высказанной в 1880 году мысли философа реакционного романтизма Леонтьева: «Надо подморозить хоть немного Россию, чтобы она не “гнила”»¹⁸. Подморозить смердящее болото, законсервировать. Но никакое тело, находящееся в пространстве и времени, никогда не находится в состоянии покоя. Неизбежным результатом гниения без применения хирургических мер является распад. По всей видимости, 24 февраля 2022 года Владимир Путин решил взять в руки скальпель.

Январь 2023 г.

1 – Сухотин Н. Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898. С. IV.

2 – Правительственный вестник. № 178. 16 августа 1898.

3 – Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. М., 2007. С. 56.

4 – Сухотин Н. Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898. С. IV.

5 – Там же. С. 43.

6 – Там же. С. 36.

7 – Там же. С. 37.

8 – Там же. С. 39.

9 – Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 26.

10 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 38. 136.

11 – Покровский М. Н. Русская история: в 3 т. Т. 2. СПб., 2002. С. 177.

12 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 16. С. 140.

13 – Там же. Т. 2. С. 110.

14 – Там же. Т. 4. С. 297.

15 – Социальные метаморфозы политического центра империи // Пролетарский интернационализм. № 11. Июль 2015.

16 – Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 17–18.

17 – Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 318.

18 – Леонтьев К. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М., 1912–1919. С. 124.

Сообщающиеся сосуды Алжира

Почти два года в Западной Сахаре тянется свежий кризис, в который втянуты в первую очередь бывшая колониальная держава Испания и два ведущих государства Магриба – Марокко, претендующее на управление Западной Сахарой, и Алжир, формально защищающий независимость региона. Различные измерения локального кризиса всё чаще переплетаются между собой и пересекаются с раздорами между великими державами, с кризисом поставок и цен, который воздействует на Европу, особенно на её энергетический сектор, и, следовательно, с возникающими в результате этого конгломерата конфликтов столкновениями между классами и фракциями.

Не раз в нашей газете мы приводили рассуждения Арриго Черветто об итальянском кризисе конца 1980-х годов: «[Учитывая, что] на мировом рынке не существует сколько-нибудь важной компании, которая не была бы связана тысячами нитей с другими его составными элементами, [необходимо] сделать видимой паутину соединяющихся сосудов, которые сплетаются между собой во всех измерениях, сочленя друг с другом факты и противоречия, казалось бы, не связанные»¹. Это требуется проделать, дабы понять природу и масштабы локальных явлений.

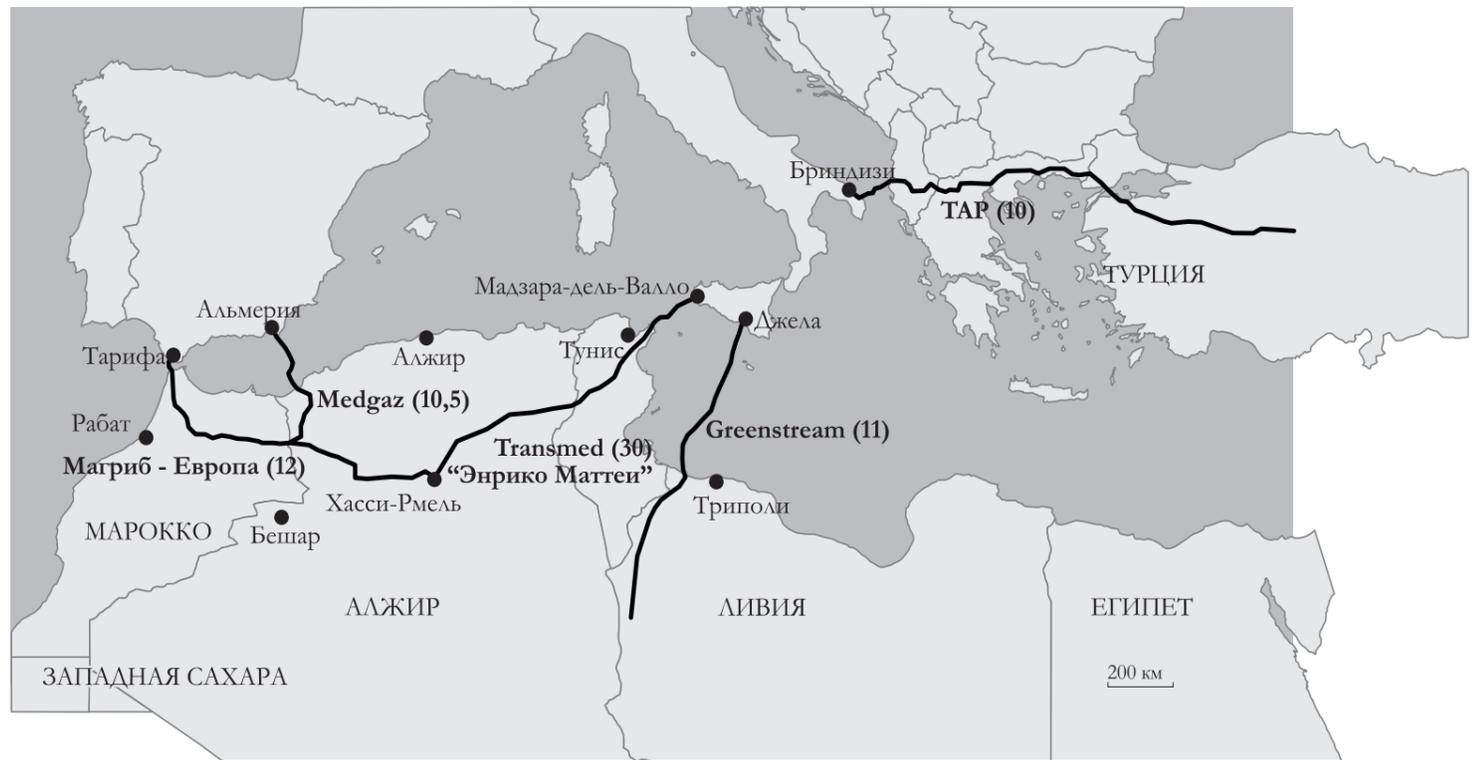
В случае Магриба сосуды, метафорически связывающие международную борьбу классов с конфликтами между государствами, также принимают конкретную форму трубопроводов, проходящих через регион. Невозможно свести отношения между Северной Африкой и Европой исключительно к миллиардам кубометров (м³) газа, поступающего в Средиземное море, но его значение для жизненно важных интересов европейского империализма подчёркивается энергетическими последствиями войны на Украине.

Алжир и ЕС

Алжир является крупнейшим североафриканским поставщиком в ЕС. По данным *BP Statistical Review*, в 2021 году он экспортировал туда 34 млрд м³ по трубопроводам и 8,5 млрд м³ в эквиваленте сжиженного газа (СПГ), заняв третье место в мире после России (147 млрд м³) и Норвегии (81 млрд м³). Однако отношения Алжира с европейцами меняются.

В течение года Алжир блокировал потоки газа, которые шли по газопроводу «Магриб – Европа» (годовая мощность 12 млрд м³). Он начинался в месторождениях Хасси-Рмель и шёл в Испанию через Марокко, которое удерживало 7 % в качестве платы за транзит. Блокировка была связана с разногласиями относительно Западной Сахары и с развитием отношений между Марокко и Израилем, особенно в военной сфере. В конце июня, когда параллельно проходил саммит НАТО в Мадриде, этот газопровод начал работать в обратном направлении, перекачивая газ из Испании в Марокко. Но Алжир наложил вето на то, чтобы «хотя бы одна капля» его газа дошла бы соседу, который может приобрести только то, что экспортируют другие поставщики, в частности, немецкая RWE.

Газопровод Medgaz (10,5 млрд м³), который идёт прямо на юг Испании, всё ещё активен, а алжирское государственное газовое предприятие Sonatrach всегда с гордостью говорило о том, что придерживается условий контрактов. Однако группа давно предупреждает в преддверии обновления соглашения, что в рамках переговоров о новых ценах будут приниматься во внимание

и политические вопросы. А президенту Алжира Абдельмаджиду Теббуну не понравилось, что его испанский коллега, социалист Педро Санчес, изменил официальную позицию Мадрида в отношении Сахары, приняв сторону марокканского короля Мохаммеда VI, который предлагает автономии под властью Рабата. Тем временем Мадрид увеличил импорт СПГ из США, которые стали его первым поставщиком, обойдя Алжир.

Трубопроводы позволили бы Испании играть роль энергетического центра Европы. Германия поддерживает это, но к проблемам с Алжиром добавляется французская оппозиция проекту газопровода MidCat, который увеличил бы связь между рейнским сердцем ЕС, Испанией и, следовательно, Магрибом. По мнению редактора *La Vanguardia* Энрика Хулианы, помимо попыток защитить свою ядерную промышленность, «Франция всегда считала, что европейская политика в отношении Северной Африки проходит через Париж, а не Берлин».

Алжир, Рим и Москва

Трубопровод Transmed (30 млрд м³), направленный в Италию, должен быть в полной мере введён в эксплуатацию с 2024 года. Премьер Марио Драги добился для Рима роли «привилегированного энергетического партнёра», подкрепив это соглашением между Sonatrach и ENI об увеличении поставок на 9 млрд м³, которые в течение двух лет добавятся к нынешним 21 млрд м³. В связи с этим Абдельмаджид Аттар, бывший министр энергетики Алжира и бывший генеральный директор Sonatrach, в интервью передаче «Presa diretta» на Rai3 подчёркивает: «[Проблема] в том, что производственные мощности и резервы в конечном итоге уменьшатся, – но Алжир, добавляет он, – обладает третьими по величине в мире запасами сланцевого газа в мире, в недрах более 23.000 млрд м³ [...], сегодня Европа импортирует сланец из США, почему бы не импортировать его завтра из Алжира?». Тогда ожидается сотрудничество и инвестиции, которые также будут распространяться на возобновляемые источники и «зелёный» водород.

Аттар признаёт, что российский «Газпром» присутствует в некоторых контрактах Sonatrach, но в минимальной степени, тогда как реальные отношения с Москвой «носят военный характер». Тициана делла Ражионе, аналитик израильского Института ис-

следований национальной безопасности, подчёркивает, что объявленный, а затем подписанный в мае 2021 года, контракт на покупку 14 российских истребителей «Су-57» позволит Алжиру «уравновесить недавнее приобретение американского оружия Марокко и тем самым укрепить свои военные позиции на шахматной доске Западной Сахары» (*Limes*, февраль 2021 года).

Алжир может похвастаться исторически тесными отношениями с Москвой, которая не только обеспечивала его оружием, но и готовила военных, разведчиков и тысячи гражданских специалистов, многие из которых говорят по-русски. На участие алжирцев в российских военных манёврах «Восток-2022» русские ответят присутствием на манёврах в Бешаре.

Алжир, как и остальная Африка, отказывается вслед за странами Запада подключаться к санкциям против Москвы за агрессию в отношении Киева. В то же время Алжир выигрывает от роста цен на энергоносители. Энрике Феас, бывший заместитель испанского руководителя торговой политики со странами Средиземноморья, сообщает, что на газ и нефть «приходится две трети его доходов и 95 % экспорта» (*Real Instituto Elcano*, 16.06.2022). По данным Attar, на 2022 год Sonatrach ожидает поступления 50 млрд долл., что составляет около трети ВВП Алжира.

Алжир и Тунис

Эксперт по африканским и средневосточным вопросам Фрэнсис Гиле в июльской международной записке барселонского мозгового центра CIDOB отмечает: «Российское вторжение на Украину ускоряет изменение политического и экономического ландшафта Центрального и Западного Средиземноморья, особенно в отношении энергетического сектора и, в частности, поставок газа. [Трубопровод Transmed], который транспортирует алжирский газ в Италию через Тунис, приобретает всё большее стратегическое значение».

Но Италия «смотрит дальше газовых сделок» и стремится к более интенсивному сотрудничеству между Римом и Алжиром, дабы «помочь стабилизировать Тунис – хотя бы потому, что две страны смотрят в глаза в Ливии».

Теббун является крупнейшим региональным союзником президента Туниса Кайса Сайеда, который подвергся критике большей части ев-

ропейского истеблишмента за приостановку деятельности парламента 25 июля 2021 года.

Тунис с населением чуть более 12 млн человек считался редким случаем успеха арабских вёсен, начавшихся здесь в 2011 году, с перехода от старого режима Зине Бен Али к «модели» арабской демократии. Однако страна не смогла преодолеть свои противоречия, к которым добавился долг. Сегодня он составляет 40 млрд долл., что равняется 87 % ВВП, за десятилетие произошло удвоение. МВФ ведёт переговоры о продлении сроков выплаты 4 млрд долл. из этой суммы, но требует структурных реформ.

В экономическом и политическом кризисе, вызванном пандемией столетия, столкнувшись с параличом правительства и законодательного органа, Сайед предпринял попытку переворота, используя слабость партий и силу своей личной кандидатуры. Во втором туре президентских выборов 2019 года он получил более 70 %, или около 2,8 млн голосов. После закрытия парламента он разработал новую Конституцию, признанную «суперпрезидентской». Она была одобрена 25 июля на референдуме с очень низкой явкой – чуть более 30 %, но с поддержкой 95 % участников, то есть, около 2,6 млн голосов.

В этом процессе, напоминает Гиле, «поддержка Алжира была также финансовой». Обеспокоенный «давлением, которое Марокко и Объединённые Арабские Эмираты оказывают на Тунис, чтобы признать Израиль», Алжир весной предоставил Тунису кредит в размере 1,5 млрд долл.

Брахим Гали, лидер Фронта Полисаро – поддерживаемой Алжиром группы, добивающейся независимости Западной Сахары в качестве Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), – в конце августа был приглашён Сайедом для участия в тунисском саммите между Японией и Африканским союзом, членом которого является САДР. Рабат отозвал своего посла из Туниса, который ответил взаимностью.

Паутина сообщающихся сосудов Магриба угрожает запутать европейцев в новых и сложных кризисах.

Lotta comunista, сентябрь 2022 г.

1 – Cervetto A. I tempi della internazionalizzazione // Forze e forme del mutamento italiano. Milano: Lotta comunista, 1997.

Борьба с коронавирусом

Истоки глобального управления здравоохранением

К 1870 году, по наблюдениям Жака Рюффье и Жан-Шарля Сурниа, «Западная Европа считала себя защищённой от чумы» (“Le epidemie nella storia”, Editori Riuniti, 1985). На заре международного сотрудничества в области здравоохранения, во второй половине XIX века, “цивилизованный мир” считал, что оставил позади самое опустошительное заболевание в истории. Первая пандемия, так называемая “чума Юстиниана”, волнами обрушивалась на мир в течение двухсот лет с 541 по 755 год. Вторая пандемия носила ещё более катастрофический размах и продолжалась в течение пятисот лет сменяющимися друг друга циклическими волнами. Для Запада первая волна (1347–1353 гг.) стала «самым страшным бедствием, когда-либо обрушивавшимся на Европу» (Frank M. Snowden, “History of Epidemics”, 2020).

К первым десятилетиям XIX века вторая пандемия чумы закончилась на Западе, но не на Востоке. Чума оставалась эндемичной в Османской империи, Центральной Азии, Индии, Китае. С этих территорий она могла быть вновь завезена посредством всё более интенсивной торговли. Начало третьей пандемии в 1894 году побудило европейские державы попытаться согласовать общую линию защиты от угрозы из Леванта: это стало единственной темой десятой международной санитарной конференции, состоявшейся в Венеции в 1897 году.

Постоянная угроза

Ещё за несколько десятилетий до этого в тревожных сигналах не было недостатка. Даже в XVIII веке спорадические вспышки завезённой чумы регистрировались в нескольких европейских городах. Во Франции последним крупномасштабным эпизодом была так называемая марсельская чума 1720 года, которая прибыла на корабле из Сирии, где на тот момент бушевала болезнь. Из города она распространилась в Прованс и Лангедок. В итальянской Мессине в 1743 году генуэзское торговое судно из Греции вызвало вспышку серьёзной эпидемии, которая распространилась на окрестности и даже в Реджо-ди-Калабрия, где и была локализована. По данным Лоренцо Дель Панта, только в Мессине из примерно 40 тыс. жителей умерло 28 тыс., многие из них от голода (“Le epidemie nella storia demografica italiana (secoli XIV-XIX)”, 1980). В начале XIX века отдельные вспышки чумы, завезённой с Востока, произошли в Бари, на Майорке и в Одессе (J. Ruffié, J.C. Sournia, *op. cit.*).

Третья и последняя пандемия чумы началась со вспышки в Центральной Азии и распространилась в 1894 году на Кантон и Гонконг; позже она вторглась в Бомбей, где была особенно разрушительной, а затем высадилась в крупных торговых портах по всему миру, вызвав панику на Западе.

«На этот раз, – пишет Сноуден, – бубонная чума поразила в основном страны третьего мира, пощадив промышленно развитые страны Европы и Северной Америки. Наибольший ущерб был нанесён Индии, где между 1898 и 1910 годами погибло от 13 до 15 миллионов человек. Прежде чем исчезнуть,

болезнь убила, по самым скромным оценкам, около 20 миллионов человек, затронув пять континентов, но не причинив слишком большого ущерба промышленно развитому Западу». По сути, «в отличие от своих предшественников, которые опустошали всё, чего касались, третья пандемия имела довольно неравномерное воздействие, поскольку она следовала по международным линиям разлома бедности, неравенства и упадка». Даже в Китае и Индии она не распространилась повсеместно, а бушевала в самых бедных кварталах, трущобах Бомбея и лачугах Калькутты (*op. cit.*). При всём этом в 1899 году эпидемические вспышки произошли в Европе (в Неаполе, Порту, Глазго) и в Америке, особенно в Центральной и Южной. Также были затронуты Сан-Франциско, Новый Орлеан и Лос-Анджелес.

Пространство для науки

В связи с этим десятая конференция открылась, имея целью остановить «нарастающую волну азиатской чумы» и изучить, являются ли меры, принятые до сих пор против холеры, адекватными для защиты от этой болезни. В работе приняли участие делегаты из 20 стран, включая США, Турцию и Персию.

И вновь, – отмечает Норман Говард-Джонс, – Британская империя оказалась объектом обвинений «за серьёзную и длительную эпидемию чумы, возникшую в Бомбее и распространившуюся на северно-западные приморские районы Индии» (Говард-Джонс Н. “Международные санитарные конференции, 1851–1938 гг. Научные и санитарные аспекты”. ВОЗ. Женева, 1976.). В действительности же британские власти в Индии пытались сдержать эпидемию, прибегая к жёстким принудительным мерам, от которых позже отказались из-за народных восстаний (F.M. Snowden, *op. cit.*). С другой стороны, Великобритания медлила с ратификацией Конвенции 1894 года из-за “оговорок” относительно правил, касающихся судов паломников, следующих в Мекку через Персидский залив.

С научной точки зрения бактериальная природа чумы не вызывала сомнений. Швейцарско-французский бактериолог Александр Йерсен (1863–1943), ученик Луи Пастера, выделил бациллу, вызвавшую чуму в Гонконге в 1894 году, которая позже получила название *Yersinia pestis*. Аналогичное открытие было сделано одновременно и независимо японским врачом Китасато Сибасабуру (1853–1931). Не все аспекты были прояснены в том, что касается способа передачи. Несколько правительств направили в Индию научные миссии. В 1898 году другой французский исследователь из Института Пастера Поль-Луи Симон (1858–1947) продемонстрировал роль крыс и их паразитов, блох, в передаче болезни человеку. В 1898 году британцы создали Индийскую комиссию по чуме, которая лишь десятилетие спустя полностью приняла открытие Симона и начала масштабную кампанию по дератизации в Бомбее.

Десятая конференция фактически завершилась подтверждением соглашений 1894 года, которые ещё не были ратифицированы всеми стра-

нами, и пожеланием о создании международной комиссии для гармонизации трёх предыдущих конвенций. Задача закрепить эти трудоёмкие и ограниченные соглашения о сотрудничестве выпала на долю одиннадцатой конференции, состоявшейся в Париже в 1903 году. Делегаты из 23 стран – среди них было много будущих членов «Пантеона истории медицины» – занимались исключительно чумой и холерой, не считая упоминания о жёлтой лихорадке, которую до сих пор воспринимали “американским делом”. Наука достигла прогресса в изучении причин и способов передачи экзотических заболеваний (чумы и холеры), угрожавших Европе, и правила защитных мер нуждались в обновлении. Новая Международная санитарная конвенция состоялась из 184 статей: «Были кодифицированы и частично заменены положения конвенций 1892, 1893, 1894 и 1897 гг., а международные карантинные требования были приведены в соответствие с последними научными достижениями.». (Говард-Джонс Н., *op. cit.*).

Споры об этиологии холеры остались позади, было достигнуто согласие в вопросах об инкубационном периоде и опасности бессимптомных носителей, впервые было принято положение о дератизации судов в качестве меры защиты от чумы. На полях конференции “заинтересованным странам” было рекомендовано адаптировать свои санитарные правила к открытию роли комара *Aedes Aegypti* как переносчика вируса жёлтой лихорадки. Ещё более значимым было решение поручить французскому правительству создание, «по дипломатическим каналам», международного медицинского бюро.

“Универсальное” сотрудничество во французском стиле

Председателем 11-й конференции был единогласно избран француз Камилл Баррер (1851–1940). Он защищал Парижскую коммуну в качестве командующего артиллерией в 1871 году, а затем, после долгих лет изгнания, стал дипломатом. Будучи послом в Риме с 1897 по 1924 год, он постоянно выступал за франко-итальянское сближение. Баррер и его соотечественник Адриан Пруст (1834–1903), врач, выдающийся гигиенист и старейшина санитарных конференций (а также отец Марселя Пруста), были самыми горячими сторонниками создания постоянного международного органа в сфере здравоохранения.

Цель была достигнута благодаря совместным франко-итальянским усилиям. 3 декабря 1907 года в Риме открылась “Конференция по созданию Международного бюро общественной гигиены”. Инициатива имела ограниченную цель, и обсуждение длилось всего неделю. Делегатов прислали двенадцать стран, среди них представители Бразилии и США, которые уже основали в 1902 году в Вашингтоне Международное санитарное бюро, переименованное в 1923 году в Панамериканское санитарное бюро. «Обращало на себя внимание отсутствие представителей» Германии, Австро-Венгрии и скандинавских стран (Говард-Джонс Н., *op. cit.*).

Баррер был избран председателем конференции. Итальянскую делега-

цию возглавлял гигиенист Рокко Сантоликивидо (1854–1930), заведовавший общественным здравоохранением в качестве человека Джолитти в вопросе реформирования этой системы, отмечает Джорджио Космачини (“Storia della medicina e della sanità in Italia”, Laterza, 1994). Согласно достигнутым договорённостям, основной целью Бюро должен был стать «сбор и распространение фактов и документов, представляющих коллективный интерес для общественного здравоохранения и особенно касающихся инфекционных заболеваний, в частности холеры, чумы и жёлтой лихорадки». Штаб-квартира располагалась в Париже, а французский был единственным официальным языком.

Здравоохранение и борьба за влияние

Международное бюро общественной гигиены (ОИНР) было передано в ведение постоянного международного комитета, состоящего из представителей, назначенных странами-участницами, с правом голоса, пропорциональным объёму взносов. На первом собрании Сантоликивидо был избран председателем. Изначально было представлено всего девять стран, но в течение последующих лет число членов выросло до шестидесяти (Говард-Джонс Н., *op. cit.*).

Обсуждение назначения председателя на первой встрече наглядно показывает, какие имеющие мало общего с медицинской задачей должно было решать бюро. По мнению Баррера, «международный союз здравоохранения», который должен быть создан с помощью ОИНР, должен был представлять собой «союз дипломатии и медицины». Предложение назначать на должности директора и генерального секретаря только врачей было отклонено, на них были избраны два француза: дипломат и биолог из Института Пастера (Говард-Джонс Н., *op. cit.*). Бюро должно было укрепить престиж Парижа и Института Пастера.

Несмотря на то, что ОИНР была европоцентричной, по словам Селин Пайетт, она сыграла центральную роль в развитии международного медицинского права. Однако амбиции всеобщего здравоохранения были реализованы во французском стиле. ОИНР также должен был «реагировать на специфические императивы национальной дипломатии, особенно французской». От Баррера требовалось открещиваться от попыток Великобритании повлиять на работу организации и в то же время «преграждать путь вторжению немецкоязычных кандидатов на посты Бюро». Парижский офис был своего рода «стратегическим устройством, которое участвовало в расколе Европы между противоположными системами союзов». (“Épidémies, santé et ordre mondial. Le rôle des organisations sanitaires internationales, 1903–1923”, 2012).

Однако основы международной общественной гигиены уже были заложены. Постоянный комитет ОИНР провёл своё последнее заседание в апреле 1914 года. Великая бойня первой мировой империалистической войны была у ворот.

Страницы истории рабочего движения

Немецкие партии и франко-прусская война

В Германии борьба, которую Маркс и Энгельс посредством Интернационала вели против рабочих сект, вылилась в работу с лассальянцами из Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС).

Эту борьбу, которая в итоге привела многих лассальянцев к тому, чтобы содействовать созданию Социал-демократической рабочей партии Германии (СДРП), задокументировали историки Франц Остеррот и Дитер Шустер в своей книге *“Chronik der deutschen Sozialdemokratie”*.

Работа с лассальянцами

Вильгельм Либкнехт и Август Бебель, приглашённые в качестве гостей на съезд ВГРС в Эльберфельд-Бармене (проходивший с 28 марта по 1 апреля 1869 года), выступили с нападками на его председателя Иоганна Баптиста фон Швейцера за его пропрусскую политику. Однако за Швейцера проголосовали 42 делегата, представивших около 6.500 голосов, а воздержались 12, представляющих около 4.500 голосов, что обеспечило ему вотум доверия. Правда, съезд решил ограничить полномочия Швейцера, был создан руководящий комитет из 12 человек. 6 апреля Энгельс писал Марксу, что положение Швейцера в партии *«сильно поколеблено»: «N'est pas dictateur qui veut¹. Этим начинается процесс разложения специфического лассальянства, и теперь он пойдёт быстро вперёд»²*.

После “государственного переворота”, совершённого 18 июня Швейцером, который пошёл в направлении, противоположном тому, что было задано решением съезда в Эльберфельд-Бармене, 26 июня в *Demokratisches Wochenblatt* некоторые известные представители ВГРС, в том числе Вильгельм Бракке и Теодор Йорк, потребовали созыва объединительного съезда социал-демократических рабочих и отказались от участия в лассальянской партии. За ними последовал Фридрих Вильгельм Фрике (старый соратник Лассала и один из основателей союза) и ещё 60 бывших членов ВГРС.

Эти люди принесли в СДРП позиции Лассала, вплоть до значительного влияния на партийную программу, в которой будут фигурировать многие лассальянские лозунги: “полная оплата результатов труда”, “свободное народное государство”, “рабочие кооперативы с государственной помощью”.

Две традиции немецкой социал-демократии

На тот момент двумя основными традициями, остававшимися идеологической матрицей немецкой социал-демократии, были мелкобуржуазно-демократическая традиция 184 года и национально-государственная лассальянская. Они вытекали в том числе из условий, сложившихся именно в Германии, в которой запаздывал процесс национального объединения и где в краткосрочной и среднесрочной перспективе задача доведения до конца буржуазной национальной революции существовала – даже в тактике Маркса и Энгельса – с долгосрочной классовой перспективой международного пролетариата. Перед лицом национальной революции сама немецкая буржуазия разделилась: либеральный прогрессизм противостоял прусскому этатизму. В своеобразной трёхклассной немецкой игре Либкнехт и Бебель опирались на демократические и мелкобуржуазные силы юга Германии, с которыми они разделяли свою

враждебность по отношению к Бисмарку и симпатию к концепции великогерманской федеративной республики. Лассальянцы, напротив, центральным пунктом своей агитации сделали разрыв с либерально-буржуазной партией, став, однако, орудием прусского феодального класса и малогерманской стратегии Бисмарка. Маркс и Энгельс же, твёрдо придерживаясь международной классовой стратегии, боролись при помощи Интернационала против односторонности обоих течений.

В результате этого сражения разрыв Либкнехта и Бебеля с либералами совпал с их готовностью отстаивать цели Международного товарищества рабочих (МТР), что предвосхитило создание автономной партии рабочего класса СДРП: уже на съезде Союза немецких рабочих обществ в Нюрнберге (5–7 сентября 1868 года) под председательством Бебеля либеральные представители отказались от заседания, когда союз заявил, что солидарен с усилиями Интернационала. В Эйзенахской программе, выработанной на съезде 7–9 августа 1869 года, СДРП прямо объявила себя секцией МТР. В сентябре одобрение союзом тезиса Базельского конгресса МТР о социализации земли завершило разрыв Либкнехта и Бебеля с буржуазной демократией и Немецкой народной партией.

Немецкие партии и война

Франко-прусская война и Парижская коммуна побудили лассальянцев сделать дальнейший шаг в сторону укрепления интернационального классового сознания, несмотря на то что в их среде всё ещё сохранялся миф о национальном государстве. Жак Дро в своей *“Histoire générale du socialisme”* пишет: *«Франко-прусская война поставила перед социалистическими организациями трудную альтернативу, и ответ, который они дали на эту альтернативу, означал для немецкого пролетариата постепенное и длительное отчуждение от того национального государства, к которому он до сих пор был так глубоко привязан, и более глубокое осознание идентичности интересов рабочего класса на международном уровне»*. Отличие от ситуации 1848 и 1866 годов состояло в том, что война с Францией должна была решить и немецкий национальный вопрос.

Первой позицией лассальянцев перед объявлением войны со стороны Франции стала поддержка оборонительной войны. Представители ВГРС и бывший лассальянец Фрике (ставший к тому моменту депутатом рейхстага от СДРП) проголосовали в рейхстаге за военные кредиты. Либкнехт и Бебель, напротив, решили воздержаться: они были не намерены играть в бонапартистскую игру, голосуя против, но в то же время отвергали династическую войну прусского милитаризма, которую, по их мнению, Бисмарк готовил с 1866 года, и выступали против патриотического энтузиазма, который воодушевлял немецкие массы. Саксонские секции СДРП, собравшиеся в Хемнице, открыто призвали рабочих объединиться против войны.

Тем не менее внутри СДРП возникло смешение лассальянского и эйзенаховского течений, и оно усугубилось немецким национальным вопросом. Брауншвейгский комитет, руководящий орган СДРП под председательством бывшего лассальянца Бракке, высказался против воздержания: по его мнению, речь шла об оборонительной войне за само суще-

Численность Социал-демократической рабочей партии Германии (СДРП)

1869	1870	1873	1875	1876	1877
10.000	15.398	10.000	24.443	38.000	32.000

Источник: Меринг Ф., “История немецкой социал-демократии”.

ствование государства, охватившей всю Германию. В середине августа Брауншвейгский комитет пригласил Маркса направить директивы о позиции социал-демократии по отношению к войне.

Долгое время и немецкие условия

Как явствует из письма от 28 июля супружеской паре Лафарг, Маркс одобрял поведение Либкнехта и Бебеля: *«Прилагаю две вырезки из газеты Либкнехта “Volksstaat”. Вы увидите, что он и Бебель вели себя в рейхстаге замечательно»*. Маркс схватывал классовый критерий, что вытекает из его письма: *«Однако утешительно то, что рабочие протестуют как в Германии, так и во Франции. Действительно, война классов в обеих странах слишком развита, для того чтобы какая-либо политическая война смогла на длительное время повернуть колесо истории вспять»³*.

По словам Франца Меринга, *«в этой “декларации” впервые было широко и свободно развёрнуто знамя Интернационала в европейском парламенте и при том по вопросу общемирового значения. Это, конечно, доставило Марксу большое удовлетворение»⁴*. Маркс, чей взгляд охватывал длительные периоды классовой борьбы, видел, что защита пролетарского интернационализма перед лицом войны имеет основополагающее значение. Пример Либкнехта и Бебеля также будет представлять собой водораздел между интернационалистами и социал-империалистами в 1914 году.

Но в краткосрочной и среднесрочной перспективе Маркс и Энгельс рассматривали преимущества объединения Германии для пролетариата, который с 1866 года встал, хотел он того или нет, на путь бисмарковской “революции сверху”. Маркс писал Энгельсу 20 июля 1870 года: *«Если победят пруссаки, то централизация государственной власти будет полезна для централизации немецкого рабочего класса. Кроме того, при перевесе немцев центр тяжести западноевропейского рабочего движения переместится из Франции в Германию. Стоит только сравнить движение в обеих странах с 1866 г. до нынешнего дня, чтобы увидеть, что немецкий рабочий класс в теоретическом и организационном отношении превосходит французский. Его перевес на мировой сцене над французским был бы в то же время перевесом нашей теории над теорией Прудона и т. д.»⁵*.

Предвосхищая Парижскую коммуну, в письме к Лафаргу Маркс оценивает, что поражение Пруссии *«только продлит существующее положение вещей [германской отсталости и территориальной раздробленности] ещё на 20 лет»*, тогда как поражение Бонапарта, *«вероятно, вызовет революцию во Франции»⁶*.

Таким образом, 23 июля в Первом воззвании Генерального Совета МОТ о франко-прусской войне Маркс признал *«оборонительный»* и национальный характер войны со стороны Германии, но осудил державные интересы Бисмарка, чуждые пролетариату, и предупредил: *«Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто*

оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, – тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны»⁷. В сентябре во Втором воззвании Маркс заявил, что после битвы при Седане фаза оборонительной национальной войны закончилась⁸. Саннексией Эльзаса-Лотарингии Бисмарк начал агрессивную войну, толкающую Францию в лагерь царизма.

Интернационалистское обучение

Война и пример Коммуны стали уроком интернационализма для немецкой рабочей партии. С поражением Второй империи и перед лицом аннексии Эльзаса-Лотарингии даже лассальянские депутаты, расчистив поле национального вопроса, проголосовали против новых военных кредитов.

Историк Дитер Фрике сообщает, что ежегодные поминовения фигуры Лассала в день его смерти (31 августа), хотя и выражали культ личности основателя, после войны стали протестом против шовинистического празднования битвы при Седане 1 и 2 сентября. Образ Лассала выставлялся как антитеза обязательному портрету кайзера. Фрике сообщает, что в одном из таких случаев в гамбургском районе Альтона члены ВГРС положили конец празднованию дня битвы при Седане, начав приветствовать Парижскую коммуны и в тысячи голосов распевать “Марсельезу”.

Из-за полицейских репрессий против эйзенахцев и лассальянцев Бебель остался единственным социал-демократом, заседавшим в первом немецком рейхстаге. Там он произнёс историческую речь в защиту Коммуны: *«Даже если Париж на данный момент угнетён, я напоминаю вам, что борьба в Париже есть лишь небольшое столкновение аванпостов, что главный вопрос в Европе ещё ждёт нас»*. Эта классовая солидарность, замечает Меринг, вызвала по отношению к Бисмарку *«подозрение»⁹*. Парижская коммуна, как и полвека спустя Октябрьская революция, вызвала замешательство среди господствующих классов Европы. Позже, оправдывая законы против социалистов, сам Бисмарк скажет, что эта речь Бебеля представляла для него *«луч света»*, осветивший ему *«кошмар революции»* и существо социализма *«без отечества»* как *«врага Рейха»*.

Lotta comunista, октябрь 2022 г.

1 – Не всякому дано быть диктатором (перефразированное выражение из памфлета В. Гюго “Наполеон Малый”: *«не всякому дано быть страшилищем»*).

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 235.

3 – Там же. Т. 33. С. 112.

4 – Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. Петербург: Государственное издательство, 1920. С. 356.

5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 33. С. 3.

6 – Там же. С. 112.

7 – Там же. Т. 17. С. 4.

8 – Там же. С. 274.

9 – Меринг Ф. Указ. соч. С. 369.

Американская канва для китайских провинций

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Джулио Мотоузи *“Democrazia imperialista in Cina”*.

[...] [В нашем] анализе 2003 года мы приняли во внимание «специфические сети взаимоотношений крупных финансово-промышленных групп», которые в процессе формирования внешней политики взаимодействовали и объединялись через Атлантику, «иногда сопровождая синтез генеральной линии, а иногда противостоя ему». Акцент на регионализации экономических сил и политических линий оказался ключевым инструментом и в анализе международной политики. Вот исторический пример: «Великие озёра и Восточное побережье США определяют отношения между собой в том числе и на основе своих отношений в Европе, то же самое касается отношений Великобритании со Старым континентом, Франции и Германии в рамках рейнской оси или Италии с Соединёнными Штатами. На рубеже двадцатого века “Дом Морганов” был финансовым центром отношений между Нью-Йорком и Лондоном, но Чикаго ориентировался на континентальный рынок, а Тихоокеанское побережье начало поворачиваться к Азии. На протяжении десятилетий на Великих озёрах или вдоль Миссисипи энтузиазма по поводу “особых отношений” между Лондоном и Новой Англией было не больше, чем на Рейне» (Г. Ла Барбера. «Европа, Азия и Кризис»).

Что касается Китая, то должно быть исследовано всё множество отношений его крупнейших регионов с Америкой и Европой, а также с Японией, Индией, Россией и другими региональными державами, поскольку относительный вес каждого из акторов меняется при неравномерном развитии. Безусловно, существуют исторические связи, начиная со следов, оставленных китайцами за границей много веков назад, но эти отношения также трансформируются империалистическим развитием: задумайтесь о притяжении, которое испытывают к Южной Азии внутренние метрополии, такие как Чэнду и Чунцин – китайские “Чикаго”, – или новой географии Шёлкового пути в направлении Индонезии и Пакистана.

Кантон и Нанкин, а с 1844 года и Шанхай, исторически были воротами западного капитализма в Китае: диалектика их отношений между собой и с имперским центром уже в середине XIX века привлекла внимание Энгельса. Столетие спустя мы обнаруживаем, что на них оказывают влияние – если не прямо определяют связь между гражданскими войнами в Китае и мировыми войнами – силы глобального империализма. По всему Китаю проявляются сильные прояпонские, прорусские и проамериканские течения, которые дифференцируют или даже отдаляют друг от друга ключевые области, а также пересекаются со старыми британскими и французскими колониальными влияниями на юге или немецкими влияниями в провинции Шаньдун. После второй мировой войны Маньчжурия колебалась между СССР и внутренним рынком, Шанхай ещё несколько десятилетий не решался открыться США и Японии, тогда как Кантон уже тяготел к Тихо-

океанскому бассейну. В 1980-х годах мы видели, как два прибрежных мегаполиса Шанхай и Кантон разошлись, увлекаемые немецкой и японской партиями соответственно, но к настоящему времени они сходятся на почве поддержки «открытости». Этот поворот во внешней политике вызревал в тесной связи с дифференцированными внешними отношениями основных регионов, и это составляет методологическую предпосылку для анализа будущих стратегических поворотов китайского империализма, а также отношений и политических ориентаций ключевых концентраций.

Ещё раз проведём сравнение с американскими политическими циклами: вспомним длительную борьбу Франклина Делано Рузвельта за достижение военного консенсуса в США против сопротивления Великих озёр и континентального американского “брюха” в конце 1930-х годов, окончившуюся только с нападением Японии на Перл-Харбор; или противостояние Восточного побережья политической войне Джорджа Буша – младшего в 2003 году в связи с рейнской оппозицией в Европе. Как себя поведут суперпровинции Бохайского залива, дельты Янцзы и Большого залива, если столкнутся с таким стечением обстоятельств, при котором будет принято стратегическое решение о начале войны? Это вопрос, который может решить только конкретный анализ. Будут ли сопротивляться этому те ключевые течения, которые сейчас вознесены в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК XX съездом, из-за их глобальных отношений или, напротив, ускорят процесс именно в силу наличия этих же отношений, борясь за раздел мировых рынков? И каковы будут новые отношения крупных агломераций Жёлтого Китая, разрывающихся между внутренним рынком и Азией с происходящим в ней переделом? Вопрос о том, будут ли настаивать на протекционистском закрытии Чэнду и Чунцин или те прибрежные мегаполисы, которые сегодня требуют инклюзивного открытия и перевооружения ВВС и ВМС, не решается априори. Обязательным шагом на пути понимания таких важных политических выражений и стратегических ориентаций будет реальный анализ новой международной географии плюрализма мандаринов. И марксистская школа в избытке предоставляет нужные инструменты.

В Соединённых Штатах, если рассматривать ход их развития в целом, одним из самых благоприятных моментов для выявления изменений в политических раскладах по отношению к регионализации и интернационализации крупных групп и фракций американской буржуазии являются президентские выборы. Наш многолетний анализ выявил *четыре политических фазы*, в течение которых происходит формирование избирательной коалиции на праймериз, проходят сами президентские выборы, формируется исполнительная власть и, наконец, осуществляется её проверка, когда президент пытается преодолеть любой дисбаланс в выстроенном порядке или исключённые крупные группы ищут посредничества для связи с победившей ко-

алицией. Это процесс централизации плюрализма политических выражений сотен разбросанных по регионам концентраций, и американская империалистическая демократия предоставляет обширную выборку данных для изучения закономерностей политической динамики: от сочетания организационных и телевизионных методов электорального маркетинга с выстраиванием сетей отношений на молекулярном и местном уровнях до рекогносцировок во время праймериз; от мобилизации, финансирования и максимального расширения электоральной коалиции в борьбе от штата к штату на континентальном рынке президентских выборов вплоть до оказания влияния, кооптации или включения сначала в избирательные команды, а затем и в исполнительную власть представителей крупных групп и ключевых регионов через классические американские “вращающиеся двери” между экономикой и политикой и тысячи других нитей политического влияния, находящихся в руках капитала.

Но анализ политического процесса не может ограничиваться лишь исполнительной властью и должен быть завершён рассмотрением всего множества надстроек американской империалистической демократии, а значит, и диалектики представительства и централизации территориальных интересов в Палате представителей и Сенате, в округах, подведомственных банкам ФРС, судебных органах (включая Верховный суд), в СМИ и так далее, вплоть до изучения веса региональных политических культур и традиций, политического веса местных групп, политических личностей. Постоянное совершенствование этого метода анализа позволит более эффективно оценивать черты несбалансированности и несоответствия, присущие *новому политическому циклу* в старых метрополиях, находящихся на перекрёстке между короткими замыканиями политики-шоу и телевизионной демократии (вспомните Дональда Трампа), относительным упадком атлантических держав и электоральными восстаниями затухающей фазы социал-демократизации. С другой стороны, в Азии, где ещё господствуют политические и социальные тенденции империалистического созревания, те же самые инструменты позволят развить анализ несовершенной китайской политической оболочки.

И здесь изучение закономерностей всего процесса централизации плюрализма сил требует политического анализа, отличного от простой научной констатации наличия экономических сил, которая является его предпосылкой. На надстроечном уровне ход развития Китая может быть представлен как *последовательность фаз*, которая постепенно сложилась в ходе институциональной практики и борьбы при выборе руководящих органов партии-государства, но эта последовательность также является и результатом действия обратной связи между плюрализмом экономических интересов и политической волей, которая проявляются в континентальном масштабе именно в более или менее соответствующем процессе

рекогносцировки, представительства и централизации интересов. Традиционная практика *путешествующих мандаринов*, направляемых из центра в Пекине в провинции, сочетается с пересмотром порядка провинциальных съездов КПК перед национальным съездом в «электоральный год в Китае», во время которых выбирают делегаты; избрание и кооптация провинциальных секретарей, губернаторов, мэров и ключевых политических деятелей в ЦК КПК подготавливает почву для борьбы за избрание на высшие посты в Политбюро и его Постоянный комитет, которое происходит на первом пленарном заседании после съезда; наконец, за этим следуют выборы в национальный парламент и происходят ключевые назначения в такие органы, как Верховный народный суд и центральный банк, и, прежде всего, вокруг Государственного совета формируется центральное правительство, обычно в марте следующего года. Роль *третьей фазы*, в течение которой происходит формирование китайской исполнительной власти, возможно, менее значительна, чем в Америке – если условиться, что игра заканчивается в октябре, – но эта власть сохраняет потенциальную функцию уравнивания коалиции сил: вспомним, к примеру, о кооптации бывшего секретаря парткома провинции Гуандун Ху Чуньхуа, который в октябре 2017 года остался на этой должности, но в марте 2018 года был назначен заместителем премьер-министра. В своего рода *четвёртой фазе* происходит ряд дальнейших корректировок, включений и даже исключений на последовательных пленумах ЦК, двойных заседаниях парламента и консультативной конференции, а также в повторяющихся антикоррупционных кампаниях.

Хотя от половины до трёх четвертей членов Политбюро и так составляют представители провинций, существуют дополнительные каналы компенсации: государственные мозговые центры, госорганы и ведомства, крупные университеты, центральные госпредприятия и крупные банки, которые регулярно снабжают персоналом регуляторов и центральный банк, военный и дипломатический корпус, признанные этнические меньшинства, вплоть до прямых представительств предпринимательства в парламенте и официальных ассоциациях. Кроме того, должны быть рассмотрены представительства регионов в плюрализме властей, в многоуровневой системе законодательных собраний, в делегациях монетарной власти, в военных и судебных округах.

В статьях о XX съезде, завершающих этот сборник, нам удалось дать лишь обзор *второй фазы* этого процесса, подчеркнув как аспект централизации, характерной для третьего мандата Си Цзиньпина, так и аспект представительства множества ключевых регионов в форме беспрецедентного участия представителей провинций в Политбюро. Важно было провести эту исследовательскую работу до того, как Дракон вступит в следующий сезон беспрецедентной и колоссальной мировой напряжённости.

Хроники Шёлкового пути

Китай ведёт дела с несколькими Америками

Работа с «несколькими Америками» подразумевает имманентную двойственность. Китайская линия «двух рук против двух рук», сформулированная Ван Цзисы, содержала скрытый потенциал для разделения Соединённых Штатов. Ван, будучи деканом Школы международных исследований Пекинского университета, описывал также и трансформацию американской партии в Китае: одна рука, ведущая политический торг, и другая, готовящаяся к войне, должны были действовать одновременно как в Вашингтоне, так и в Пекине.

По мнению Чжэн Юнъяня из Университета Гонконга в Шэньчжэне, потенциал к разделению США был очевиден: дальнейшее открытие китайского рынка, возглавляемое Большим Заливом Гуанчжоу, может предотвратить формирование коалиции в Америке, отделив Уолл-Стрит от партии «декаплинга», и одновременно разорвать пучки отношений США с Европой и Японией.

Чжан Вэйвэй из Института изучения Китая Университета Фудань отвечает на это в прямом эфире во время ток-шоу на телеканале «Dragon TV»: во-первых, не стоит забывать плюрализм «важнейших властей, представительных неизбираемыми органами», которые в действительности заново скрепляют некоторые американские трещины – например, центральный банк, «тщательно изолированный» от колебаний общественного мнения; во-вторых, картинка «разделённых Штатов Америки» является предупреждением, обращённым к «федералистским» суггестиям китайских провинций, поэтому Шанхай опасается внешних отношений, с помощью которых Гуанчжоу может избежать власти центра. В любом случае, собеседники Штатов в Китае весьма активны.

Партии Бали в движении

Ван Цзисы и У Синьбо из Центра американских исследований Университета Фудань выступили накануне встречи Джо Байдена и Си Цзиньпина на Бали. По мнению У, подход американских элит является «двойным», и на данный момент преобладает конфликтная ориентация, однако «конструктивные» голоса в американском обществе выражают реальные «силы» и располагают важными «политическими каналами». Ван и У участвуют в неофициальной дипломатии (backchannel diplomacy) Мориса Гринберга, близкого знакомого Генри Киссинджера и исторического главы American International Group (AIG) – страхового колосса, основанного в Шанхае в 1919 году: предпринимательское сообщество США «разочаровано» декаплингом.

Центр международных обменов (ССИЕЕ) бывшего вице-преьера Цзэн Пэйяня отмечает, что Бали приоткрывает «редкое окно возможностей» для сторонников умиротворения. Наконец, Центр Китая и глобализации (ССГ), основанный в 2008 году Ван Хуэйяо и его женой Лу Мяо, обращается напрямую к Фреду Бергстену из Вашингтонского Института Петерсона.

Ван родом из Чэнду, но сумел «открыться миру» благодаря учёбе в Гуанчжоу после «культурной революции»; в 1993 году вернулся из Канады и основал Ассоциацию академиков-репатри-

антов; наконец, в 2006 году стал одним из руководителей Общества Цзюсань, входящего в восьмёрку признанных законом демократических партий в ВСНП. Его разговоры с Бергстенем в сентябре – по сути, открытость к предложению «условного конкурентного сотрудничества», сформулированному американцем в книге «The United States vs China» (2022).

Китай и глобализация

В ССГ входят ряд бывших китайских вице-министров торговли, промышленности и иностранных дел, представители крупных групп и исследовательских центров, настроенные откровенно либеристски. В книге «Китай и глобализация в XXI веке» (Пекин, 2022), опубликованной СІТІС, Ван пишет: «Новый цикл гиперглобализации, начавшийся в начале 90-х годов, похоже, больше не расцветёт так же пышно, [но] в то же время Китай и другие силы, которые поддерживают мультилатерализм, обладают мощью и дадут новый толчок». Новая попытка управлять глобализацией – Шёлковый путь, многостороннее развитие которого приводит к двойной гипотезе: с одной стороны, можно предположить его политизацию, поскольку формируется сообщество присоединившихся к нему стран, а также складываются отношения с институтами послевоенного порядка; с другой – вероятно расширение на США и Японию Азиатского инвестиционного инфраструктурного банка (АІІВ), трансформированного в Глобальный банк (ГІІВ).

Идея, позаимствованная из книги 2021 года «Консенсус или конфликт», предлагает «момент Бреттон-Вудс 2.0», где пандемия и украинская война играют роль мировых цезур, однако Ван показывает, что не испытывает иллюзий: уже в 2008 году старые державы обратились к Китаю, чтобы справиться с глобальным кризисом, но после саммита Большой двадцатки в Ханчжоу в 2016 году предложение управления было отозвано. Сегодня «глобализация достигла новой развилки», но несмотря на то, что «происходит усиление неопределённости и нестабильности в мире, всё ещё возможно использовать экономическую глобализацию как щит против военной глобализации». Пекин ожидает новый «всплеск глобализации», но требует политических компенсаций.

Европа – держава баланса

Особое внимание приковано к Европе, колыбели концепции «баланса сил», хотя «поворот ЕС в последние годы имеет две стороны: изменение и неизменность». С одной стороны, европейская стратегическая автономия подвергается «скрытой обструкции со стороны внешних сил, таких как Соединённые Штаты», вновь запущенной с началом войны на Украине; с другой стороны, «Next Generation EU» на 750 млрд евро «сигнализирует о новом уровне» суверенитета, а запуск инвестиционного соглашения с Китаем САІ является сигналом автономии.

Возвращается суггестия «Большой Тройки», внутри которой ЕС, однако, действовал бы как «эффективный балласт в китайско-американских отношениях», а не служил усилению «гегемонистской коалиции» посредством

которой Бергстен в своё время предлагал – совместно с Европой и Японией – прийти к Большой двойке с Китаем. В «трёхполярных» отношениях, как пишет Ван, Китай, США и ЕС должны будут согласиться на минимальный уровень противостояния; если проявится столкновение двух сторон, третья должна будет постараться ослабить или как минимум не усилить трения; три державы должны будут искать пространства для экономического, политического и оборонного сотрудничества; наконец, возникнет место для «консультаций и дискуссий по международным вопросам», «механизма координации и трёхстороннего диалога» по инклюзивной глобализации, то есть «саммит Китай – США – ЕС».

В сентябре сам Бергстен возражал, что хотя «Большая тройка и идеал», ЕС не созреет в ближайшие «двадцать или тридцать лет», поскольку союз не обладает единым лицом во внешней политике. Ричард Хаас в декабрьской дискуссии заметил, что «концерт» крупнейших держав преждевременен, да и диалог между США и Китаем под вопросом. В обоих случаях не существует консенсуса внутри США.

С другой стороны, Чжао Минхао, ученик Ван Цзисы из реалистских институтов Чунъян и Чархар, видит недостатки в том, чтобы «вести дела с несколькими Америками»: даже если существует двухлетнее «окно» для восстановления отношений с Белым домом, из Конгресса последуют враждебные законодательные действия, и будут себя подпитывать антикитайские идеологии, ретроактивно воздействуя на отбор политического персонала и направление общественного мнения. По мнению Дин Гана, бывшего редактора «Жэньминь жибао», антикитайская позиция станет «неписаным правилом выживания» на выборах.

Возможно, подтверждением этому может служить намерение посетить Тайвань, высказанное новым спикером нижней палаты Кевином Маккарти, которого с трудом избрали благодаря популистским либертарианским голосам Freedom Caucus и бывшей Tea Party. По мнению *Global Times*, парламент может легко оказаться жертвой «коллективного самогипноза» и «периодических лихорадок», пробегающих по американскому телу.

Новый маккартизм?

Если играть словами, то речь идёт о «маккартизме, восстановленном Маккарти» с учреждением в Палате представителей двухпартийного комитета по стратегической конкуренции «между США и КПК», возглавляемого Майком Галлахером от Висконсина. По словам Дун Чуньлина из СІСІР, Комитет Галлахера будет атаковать американские инвестиции в Китае, фундамент «партии Бергстена». Как пишет *Global Times*, у истоков комитета стоит оперативная группа по Китаю под руководством Майкла Маккола из Техаса, представителя «военно-промышленно-конгрессского комплекса», заинтересованного в гонке перевооружений.

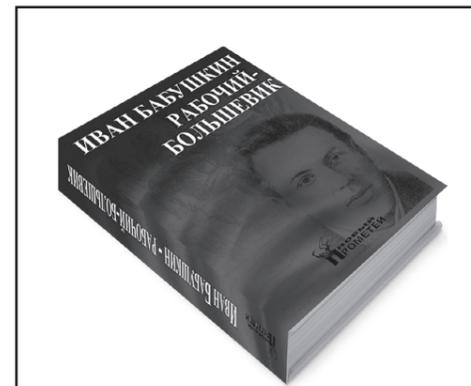
Варианты для десятилетнего окна

Цзинь Цаньжун, ректор Школы международных исследований Народного

университета, считает, что ближайшие пять лет станут «критическими», поскольку существует риск, что произойдёт «что-то очень серьёзное» по поводу тайваньского вопроса, а также китайская экономическая мощь приблизится к американской. «Спустя десять лет Китай вырастет и США будут вынуждены принять его восхождение; в этот момент отношения улучшатся». Похожий сценарий предлагает Ван Вэнь из Института Чунъян: к 2035 году «после тяжёлой борьбы игра между Китаем и США достигнет хрупкого равновесия». Это варианты американо-китайского «окна возможностей», которые переворачивают подход Уолтера Рассела Мида, по мнению которого, Китай – подобно Японии в 1930-е – попытается навязать себя в Азии прежде, чем неравномерное региональное развитие, которое защищают США в Индо-Пацифике, его уравнивает. По словам Ван Вэня и Цзинь Цаньжуна, предотвращение столкновения в Азии предоставит Пекину время сблизиться с Вашингтоном, обуславливая его политические течения и его союзников.

Яо Ян, директор Китайского центра экономических исследований (ССЕР), основанного Джастином Ифу Линем, оценивает, что при пятипроцентном росте Китай догонит США в 2029 году. Тезисы о преждевременном демографическом старении не учитывают факторы производительности и социальной реструктуризации. Другая оценка заключается в том, что китайский постпандемический «отскок» снова усилит притяжение, которое Дракон оказывает на течения в старых державах, и будет влиять на темпы последних. Чжэн Юнъян поднимает ставку: «Исторически, когда геополитические изменения и экономическая рецессия смешивались, производились не только физические, но и химические реакции». Пекин не проявит военную инициативу в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе: очередная «региональная война» будет трудно отделима от «мировой войны».

Lotta comunista, январь 2023 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Сеул обсуждает “Zeitenweide” Токио

Как передаёт сеульская пресса, на совещании министров иностранных дел и обороны президент Южной Кореи Юн Сок Ёль заявил, что никто «не осудит» решение Японии приобрести контрактирующий потенциал, к тому же, было бы трудно препятствовать её действиям, «когда над ней пролетает северокорейская ракета» и существует угроза следующего «ядерного удара».

Бывшего генпрокурора, а ныне третьего президента-католика Республики Корея Юн Сок Ёля, отличающегося консервативными взглядами, СМИ и имеющая в парламенте большинство главная оппозиционная партия обвиняют в том, что он «говорит скорее как японский президент», нежели южнокорейский, «слишком легко размышляя о перевооружении» Страны восходящего солнца. По мнению депутатов Демократической партии (ДПК), представитель которой был президентом с 2017 по 2022 год, Юн совершает коутсу – формальный жест чествования императора в китайской традиции, в этот раз в отношении Токио, который с 1905 по 1945 год был колониальным владыкой Корейского полуострова.

Сеул и японская Zeitenwende

В Южной Корее, которая наравне с Японией является союзницей США, громко отреагировали на публикацию доктрины национальной безопасности Токио. Если перефразировать формулировку Французского института международных отношений (IFRI), последнюю можно назвать *Zeitenwende по-японски*, учитывая, что она возникла одновременно с решением о перевооружении в Германии. В частности, по мнению Сеула, решение Японии пополнить свой ракетный арсенал через покупку 400–500 ракет “Tomahawk” у США, открыто одобренное Вашингтоном на саммите Фумио Кисида и Джо Байдена в Белом доме 13 января, является отнюдь не просто символическим. Прогрессивистская сеульская газета “Хангёре” (“Единая нация”), связанная с ДПК, пишет, что “Tomahawk” по своей природе и исторически являются средством для «превентивных атак»: во всех конфликтах начиная с Войны в Персидском заливе 1991 года они служили Вашингтону «наконечником копья», при этом Штаты всегда отказывали Корее в приобретении этих ракет.

По мнению других источников, центристской и левоцентристской направленности, эти средства ракетной проекции позволят Токио впервые с 1945 года взять на мушку весь полуостров, а также всю территорию Китая. И не обязательно будет консультироваться с Сеулом. Согласно “Хангёре”, главной причиной японского перевооружения является соседство с китайским гигантом, если обратить внимание, что в планах на десятилетие числится разработка отечественных сверхзвуковых ракет дальностью 2.500–3.500 км. Более того, в контексте американского отсутствия Токио мог бы стремиться взять на себя роль региональной военной державы, изменив вес Сеула, который оказался бы в ситуации «вассалитета».

Карта скрытой ядерной мощи Сеула

Хотя администрация Юна и проявляет реалистское согласие с процессом японского перевооружения и намерение укреплять военные связи с Токио,

она стала первой, кто открыто указал на факт наличия скрытой ядерной мощи Сеула. По мнению национал-консервативного издания “Чосон Ильбо”, Юн не может исключать, что однажды «американское тактическое ядерное оружие вернётся» в Корею или что будет «развит автономный ядерный арсенал». Эта позиция была озвучена, ещё когда Юн претендовал на президентское кресло, и вторила заявлениям Синдзо Абэ начала 2022 года о необходимости введения «совместного владения ядерным оружием» Японией и Штатами, аналогично механизму, существующему в НАТО. Цель Юна – по этому поводу он дал обширное интервью газете – состоит в стремлении к «совместному планированию американских ядерных ресурсов» Сеулом и Вашингтоном. Корея, утверждает “Чосон”, не имеет «планов здесь и сейчас развить ядерный арсенал», но всегда может сделать это в краткие сроки, «используя технологию, которой она уже владеет».

Центристская газета “Тонъя Ильбо” передаёт оценки военных кругов, согласно которым, Сеул способен «в течение трёх месяцев разработать прототип стандартной боеголовки на 20 килотонн» (такая же мощность была у бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки), а в течение «трёх лет» перейти к «массовому производству тактических боеголовок на 50–60 килограмм, которые можно поставить на крылатые ракеты “Хёнму” отечественного производства или на истребители-бомбардировщики. Необязательно осуществлять испытания, достаточно сделать расчёты по «математическим моделям, используемым суперкомпьютером». К этому методу прибегают признанные ядерные державы (или молчаливо признанные, такие как Израиль) для модернизации своих арсеналов. Как пишут некоторые французские специалисты, это «выход из латентного состояния без официального объявления» (Roche N., “Pourquoi la dissuasion”, 2017). На взгляд “Чосон”, хотя Юн и считает эту перспективу «нереалистичной», её раскрытие имеет стратегический смысл: пока Пхеньян «продолжает своё перевооружение», а «Китай и США не вмешиваются», Сеулу не остаётся ничего иного, кроме как «готовиться к худшему» и, оценивая производство ядерного оружия, «делать необходимые приготовления», отправляя «чёткие сигналы» Пхеньяну и Пекину. Можно также добавить – Вашингтону и Токио.

“Вызывающий беспокойство друг” и корейские “поручительства”

Тем временем администрация президента промульгировала военный бюджет на 2022–2026 годы величиной 262 млрд долларов – это на 20 млрд больше, чем было потрачено в предыдущее пятилетие; акцент ставится на контрактирующем конвенциональном потенциале Южной Кореи. Если есть фраза «держи друзей близко, а врагов ещё ближе», говорит Ли Чон Ын, бывший офицер ВВС и комментатор газеты *Korea Herald*, то для японо-корейских отношений её можно перефразировать следующим образом: «[Ещё] ближе держи вызывающих беспокойство друзей». Сеул проявляет беспокойство, будучи государством, которое должно оценить «риски оказаться в ловушке и изоляции и преимущества безопасности». Если большая ориентация на Токио и Вашингтон в военном плане предпола-

гает значительные стратегические преимущества в укреплении сдерживания, то также существуют геополитические риски, связанные с возможностью региональной эскалации, к которой может привести «агрессивный японский ответ в сфере безопасности».

По мнению Ли, дебаты в Сеуле проходят между сторонниками «осознанного хеджирования», которые выступают за осторожность в условиях растущего стратегического противостояния союза США – Япония и оси Китай – Северная Корея, и между сторонниками «большого вовлечения в оборонное партнёрство с Токио», которые считают его необходимым, чтобы иметь влияние на японские и американские решения. Например, если бы Токио «убедил Вашингтон разрешить [ему] отойти от трёх неядерных принципов», на которых основывается японская политика ядерного воздержания – формула, которую можно синтезировать как «обулавливающие объятия», то при более близком рассмотрении кажется, это могло бы стать одним из мотивов японского перевооружения: и Токио, и Сеул ищут баланса в двойных отношениях с Пекином и Вашингтоном, сторонятся унилатерализма и экономического национализма американского союзника и в то же время боятся военно-экономической мощи Пекина, хотя тот остаётся их главным торговым партнёром.

Дозировки “нового стратегического консенсуса” Токио

Центральный аспект критики перевооружения, которую выдвигает либеральная японская печать, особенно “Асахи Симбун”, если не считать вопросов к способам финансирования, касается «возможностей Японии принимать независимые решения», без того чтобы её «в одностороннем порядке вынудили следовать американской стратегии» в отношении Китая, учитывая, что Токио согласен с линией Вашингтона на «интегрированное сдерживание». Последняя рассматривается в качестве инструмента создания антикитайской коалиции в Азии.

Во время речи в Вашингтонском Университете Джона Хопкинса сразу после саммита с Байденом Кисида поместил Стратегию национальной безопасности (СНБ) в перспективу исторического пути, начатого в 1951 году; решительные шаги Токио являются «историческим рубежом» на пути, который проходит через «подписание Договора о безопасности Сигэру Ёсидой, пересмотр договора Нобусукэ Киси в 1960 году и решение Синдзо Абэ в 2015 году частично отказаться от самостоятельно наложенного запрета на обладание армией во имя коллективной самообороны». Действительно, это результат семидесятилетнего процесса возвращения политического суверенитета, который начали и закончили японские либерал-“интернационалисты” в диалектической комбинации с более национал-азиатистским течением.

По мнению *Japan Times*, «громкая поддержка» Кисиды Байденом может помочь премьеру «приглушить внутренние беспокойства и полемику» вокруг вопроса о финансировании перевооружения. Премьер откровенно сообщил, что этот вопрос потребует «национального одобрения» после 2024 года. Это сигнал в направлении фракции Абэ, которая располагает относительным большинством в ЛДП, и партнёрам из

“Комэйто”. Первая должна выдержать борьбу за наследование бывшему премьеру, что отчасти объясняет критическую позицию к увеличению налогов и одобрение перевооружения в кредит, а также весьма антикитайские и протайваньские акценты в риторике.

Весьма по-японски Кисида представляет СНБ как *новый консенсус*, выравнивание ключевых течений. Он получает сообщение от рупора фракции Абэ “Санкэй Симбун”, которая радостно встречает американское одобрение и надеется, что премьер «продолжит следовать своему пути и историческому долгу», о которых он заявил в речи в Университете Джона Хопкинса. Газета жалуется, однако, что японо-американские дискуссии не касаются «американского ядерного сдерживания» перед лицом модернизации арсеналов Китая, России и КНДР, и надеется, что в дальнейшем представятся возможности для обсуждения предложения Абэ «совместного владения ядерным оружием». Против света можно разглядеть скрытый диалог.

По мнению “Асахи”, центрист Кисида прощупывает возможность расширить своё большинство за счёт Демократической партии за народ, которая является раскольническим крылом левоцентристских сил, одобряющих перевооружение, а также возможность укрепить отношения с Рэнго (Конфедерацией профсоюзов Японии).

Промышленная и военная политика

В 1960 году правительство Кисида ушло в отставку после тяжёлого кризиса, связанного с возобновлением договора о безопасности с США, однако получило поддержку правого крыла Социалистической партии во главе с Суэхиро Нисио, которое в конце 1930-х годов выражало линии национального социализма в комбинации с вооружёнными силами и так называемыми «реформистскими бюрократами» – представителями технократическо-управленческой среды, из которой происходил глава исполнительной власти. Из неё же в послевоенный период возникло MITI (Министерство международной торговли и промышленности), предшественник нынешнего METI (Министерства экономики, торговли и промышленности), являющегося инструментом промышленной политики Токио. Согласно данным Центра стратегических и международных исследований (CSIS), это был также весьма полезный инструмент для укрепления японской военной промышленности, за чем с большим интересом наблюдают Вашингтон и другие страны-союзники и партнёры: один из уроков украинской войны заключается в необходимости обладать «более значительной, нежели сегодня, мощью военной промышленности», чтобы производить боеприпасы, вооружение и ключевые компоненты.

Недавно, чтобы компенсировать сокращение запасов боеприпасов Пентагона и поставить Киеву артиллерию, Вашингтон обратился к южнокорейским производителям. Москва, в свою очередь, получила припасы от Пхеньяна. В 1915–1916 годы, хотя это немногие помнят, Токио был одним из оружейников держав Антанты, производя боеприпасы для битв под Верденом и на Сомме.

Всемирное сражение в энергетике и промежуточные выборы в США

Энергетический переход разделяет партии и штаты

США – федеративная республика, состоящая из 50 штатов: законодательная система основана на географическом представительстве, и ни один член Конгресса не избирается всей нацией. Сенаторы и конгрессмены отправляются в столицу, Вашингтон, округ Колумбия, чтобы защищать частные интересы своих округов, тогда как законы, принимаемые Конгрессом, распространяются на все США.

Климатический план США

Конституция предусматривает наличие Сената, в котором все штаты представлены в равной степени (по два сенатора). Так, сенаторы из Вермонта (640 тыс. жителей), одним из которых является независимый Берни Сандерс, имеют такой же вес, как и сенаторы из Калифорнии, где проживает 39 миллионов человек. В Сенате законодательный процесс выходит за рамки отдельных партий: речь идёт о сложной системе переговоров и союзов между частными интересами каждого штата, представленного сенаторами. В этом процессе президент США, выражающий общие интересы американского капитализма, играет роль посредника и творца синтеза. До промежуточных выборов 2022 года в Сенате было 50 республиканцев, 48 демократов и два независимых, аффилированных с Демократической партией – Ангус Стэнли Кинг-младший и Берни Сандерс.

Представленный в 2021 году администрацией Байдена план энергетического перехода стоимостью 550 миллиардов долларов, которые должны быть инвестированы в течение десятилетия, был заблокирован председателем Комитета по энергетике Джо Манчином, сенатором-демократом от Западной Вирджинии, угледобывающего штата с 1,8 миллиона жителей. Одним только своим голосом Манчин, защитник частных интересов своего штата, связанных с углём, и всей американской промышленности, зависящей от ископаемого топлива, поставил свою партию в меньшинство по вопросам энергетики.

Посредничество между Манчином и администрацией Байдена, предпринятое лидером сенаторов-демократов Чарльзом Шумером (Нью-Йорк), привело к компромиссу в форме Закона о снижении инфляции, принятого Сенатом в августе 2022 года 51 голосом против 50. При этом решающий голос был подан вице-президентом Камалой Харрис. В Палате представителей законопроект прошёл с 220 голосами против 207 и в итоге был подписан президентом Джо Байденом. Он предусматривает федеральные расходы на энергетический переход в размере 370 миллиардов долларов, что примерно на треть меньше суммы, первоначально запрошенной демократической администрацией.

После промежуточных выборов в ноябре 2022 года Демократическая партия, одержав 6 декабря победу в гонке за место сенатора в Джорджии, надеялась уменьшить роль Манчина: у его партии будет 51 сенатор против 49 республиканских. Но 9 декабря выход из партии сенатора от Аризоны Кирстен Синема вернул демократическую фракцию на исходные позиции: 48 сенаторов-демократов плюс два независимых. Это сохраняет переговорные позиции Манчина, срок полномочий которого истекает в 2024 году. По данным газеты *Politico* от 15 июля 2022 года, он получает финансирование от гигантов энергетической промышленности США.

Энергетическое соперничество между США, Китаем, Европой

Энергетический переход – это фронт в соперничестве между великими державами за технологическое превосходство в XXI веке. Сравнение будущих инвестиций, запланированных различными странами, имеет скорее качественное, чем количественное значение: в игре задействовано слишком много переменных. В будущем предстоит увидеть, будут ли официальные цифры, о которых мы сообщаем, воплощены в реальность и какой объём капитала окажется фактически приведён в движение.

В настоящее время, с принятием Закона о сокращении инфляции, предполагающего трату 370 миллиардов долларов в течение десятилетия, похоже, происходит сокращение амбиций Байдена в отношении глобального лидерства в области климата. В декабре 2019 года председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, представляя Европейский зелёный курс, назвала его высадкой Европы на Луну: он предусматривает расходы в размере 612 млрд долларов США к 2027 году (*Bloomberg*, 15 августа 2022 года). Что касается Китая, то, согласно анализу, проведённому 28 июля 2022 года компанией Australia and New Zealand Banking Group Limited (ANZ), инвестиции в солнечную и ветровую энергетику к 2025 году составят от 315 млрд до 735 млрд долларов. Годовые показатели Китая и Европейского союза выше, чем у США.

Китай и Европа, в силу своей сильной зависимости от нефти и природного газа, являются мировыми локомотивом энергетического перехода. США тормозят переход, поскольку после революции в технологиях добычи горючих сланцев (сланцевая нефть и сланцевый газ) они снова стали ведущим мировым производителем ископаемого топлива. В 2021 году у них наблюдался избыток природного газа – 23 % мирового производства и 20 % потребления; для Китая был характерен дефицит – 5 % производства и 9 % потребления, как и для Европы – 5 % производства и 14 % потребления. Что касается нефти, чистый экспортно-импортный баланс был отрицательным для Европы (161 млрд долларов) и для Китая (102 млрд), но положительным для США (26 млрд). Из всех установленных в мире мощностей по производству энергии ветра на Китай приходится 40 %, на Европу – 28 %, на США – 16 %. По солнечным фотоэлектрическим панелям на Китай приходится 36 %, на Европу – 23 %, на США – 11 %. В 2021 году Китай инвестировал в энергетический переход 298 миллиардов, 37 % мировых инвестиций, ЕС – 189 млрд, 24 %, США – 120 млрд, 15 %.

Красный, синий и зелёный

Американская добыча нефти и газа сосредоточена лишь в нескольких из 50 штатов федеративной республики. В *Financial Times* от 17 июня 2021 года было опубликовано исследование под названием «Семь штатов, 3.000 миль: путешествие по энергетическому разрыву США». Для сохранения единообразия с анализом *Financial Times* мы взяли за основу те же семь штатов, протяженность которых составляет 5.000 км: Северная Дакота, Монтана, Вайоминг, Колорадо, Нью-Мексико, Оклахома и Техас. Проступает панорама противоречивых интересов, вращающихся вокруг плана энергетического перехода администрации Байдена.

Северная Дакота – это штат, где чуть более десяти лет назад началась революция сланцевой нефти и газа, сделавшая США крупнейшим в мире производителем углеводородов. В то же время здесь 51 % электроэнергии поступает от ветра. Уголь – часть идентичности Вайоминга, именно он негативно затронут политикой Байдена, направленной против ископаемого топлива. Однако этот штат также пользуется льготами в области ветровой энергетики благодаря ветрам, дующим по его равнинам. *Financial Times* подробно рассказывает о конфликте интересов по вопросам энер-

Штаты: Монтана, Вайоминг, Северная Дакота, Нью-Мексико, Колорадо, Оклахома, Техас

Вес от общего в США, %

добыча нефти	73
добыча газа	49
добыча угля	58
ветровые мощности	48
возобновляемые мощности	38
ВВП	16
население	15

Президентские выборы	%	выб.	деп.	
2012	Ромни (Р)	52	54	37
	Обама (Д)	46	14	17
2016	Траммп (Р)	52	52	38
	Х. Клинтон (Д)	42	14	16
2020	Траммп (Р)	52	54	38
	Байден (Д)	46	14	16

выб. – голоса выборщиков

деп. – избранные депутаты Конгресса

Наша обработка данных Управления энергетической информации США и «The Almanac of American Politics».

гетического перехода и в Монтане, Колорадо, Нью-Мексико, Оклахома и Техасе.

В совокупности в этих семи штатах Республиканская партия обладает большинством: в 2020 году Дональд Трамп получил здесь 52 % голосов избирателей и 54 голоса выборщиков, подтвердив результаты, полученные самим собой в 2016 году и Миттом Ромни против Барака Обамы в 2012 году. В этих штатах добывается 73 % нефти, 49 % газа, 58 % угля, но также находится 48 % мощностей ветровой генерации в стране. В частности, Техас, первый производитель ископаемого топлива, также занимает первую позицию по энергии ветра.

Красный цвет для республиканцев и синий для демократов выбраны не партиями, а телеканалами для иллюстрации результатов американских выборов. Когда речь идёт об энергетике, разделение между красными и синими штатами не так однозначно, как может показаться исходя из карты президентских выборов: зелёный цвет проходит почти через все из них. Если в коллективном воображении красные штаты вроде Техаса, Северной Дакоты, Оклахомы и Вайоминга неразрывно связаны с нефтью, газом и углём, то реальность сложнее.

Ветряные электростанции вырабатывают более 20 % электроэнергии в Техасе, 51 – в Северной Дакоте, 45,4 – в Оклахома и 19 – в Вайоминге (Управление энергетической информации США). Сочетание географии и политики в красных штатах очерчивает поле для борьбы между ископаемыми и возобновляемыми источниками энергии. Кризис внутри Республиканской партии имеет более глубокую причину, чем политический хаос, вызванный экстравагантной и непредсказуемой фигурой Трампа. Партия больше не может отождествлять себя с индустрией ископаемого топлива: в штатах, где она имеет большинство, сильны интересы «зелёных» фракций. Адаптация к энергетическому переходу станет для республиканцев источником внутреннего конфликта.

Lotta comunista, январь 2023 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В РАМКАХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

	2021	%	всего 2015–2021	%
Китай	298	37	1.291	36
ЕС	189	24	699	19
США	120	15	619	17
Другие	192	24	1.033	28
всего	799	100	3.642	100

Миллиарды долларов; в ЕС включена Великобритания.

Наша обработка данных Bloomberg NEF.

ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ

Вес в общемировом, %	США	Китай	Европа
Природный газ (добыча)	23	5	5
Природный газ (потребление)	20	9	14
Ветер (установленные мощности)	16	40	28
Солнце (установленные мощности)	11	36	23
Нефть (добыча)	17	5	4
Миллиарды долларов			
Нефть (экспорт)	138,5	1,6	36,4
Нефть (импорт)	112,9	103,4	197,5
Нефть (сальдо)	+25,6	-101,8	-161,1

Военная промышленность Южной Кореи

Польское перевооружение опирается на Сеул

«Мун Чжэ Ин начал своё президентство в Южной Корее в 2017 году с обета стать великим миротворцем, восстановить отношения с Северной Кореей и положить конец десятилетиям состояния войны на полуострове», – писал журнал *The Economist* в феврале 2022 года. «Мун не достиг цели и завершит пребывание в должности с репутацией великого торговца оружием». Ежедневник напоминал, что президент только что вернулся со Среднего Востока, где продал противоракетную систему Объединённым Арабским Эмиратам за 3,5 миллиарда долларов и артиллерийские системы Египту за 1,7 миллиарда.

Южная Корея и такой крупный клиент, как Польша, являются примерами того, как высокая неопределённость мировой ситуации влияет на поведение малых и средних держав. Эти страны, с одной стороны, связаны ухудшающимися глобальными сценариями, на которые они могут оказать лишь относительно влияние; с другой стороны, в текущей ситуации они чувствуют себя несколько менее ограниченными в своих решениях, включая вопросы перевооружения и способов его осуществления.

Южнокорейская промышленность и перевооружение

В Южной Корее идут дебаты о том, должна ли страна оснастить себя средствами ядерного сдерживания либо самостоятельно, либо попросив своего американского союзника вернуть часть арсенала, вывезенного в 1991 году с намерением денуклеаризовать полуостров. Очевидно, что эти обсуждения касаются не только Сеула, поскольку они проходят в контексте, где, помимо Северной Кореи, присутствуют ещё Россия, Китай и Япония; совсем другое дело – конвенциональное перевооружение. Южная Корея – страна с населением 51 миллион человек, занимающая второе место в мире по судостроению, имеет сильные позиции в производстве автомобилей (Hyundai-KIA), электроники и полупроводников (Samsung). Иными словами, она обладает промышленной мощью, подкрепляющей амбиции.

В период президентства Мун Чжэ Ина бюджет Министерства обороны рос на 7–8 % в год, и в 2022 году составил 2,8 % ВВП, достигнув 46 млрд долларов США. Среднесрочный план финансирования на 2022–2026 годы предусматривает бюджет в размере 271,5 млрд, треть которого, или 90 млрд, пойдет на закупку новых вооружений. Экспорт вооружений растёт ещё быстрее. В 2016 году его стоимость составляла 1,2 млрд долларов, достигла 7 млрд в 2021 году (8-е место в мире), а в текущем году, по прогнозам Экспортно-импортного банка Кореи, составит 10 млрд.

Внимание со стороны Японии и рынка НАТО

Японская пресса внимательно следит за вопросом перевооружения Южной Кореи, страны, некогда оккупированной имперскими войсками, а ныне, по сути, являющейся её союзником. Политический комментатор Хироюки Акита пишет на страницах *Nikkei Asia*:

«Многие японцы, в том числе и я, склонны критически относиться к внешней политике Южной Кореи [...] особенно в связи с определённой мягкостью в отношениях с Китаем, [...] но Япония должна в первую очередь беспокоиться о своей собственной безопасности, а не заниматься корейскими делами [...], где, по крайней мере, к расходам на оборону относятся разумнее, чем мы».

Токио завидует определённой свободе маневра, которую Сеулу предоставляют история и размеры. В августе преемник Муна, новый президент Юн Сок Ёль, заявил, что его цель – вывести страну на четвертое место в мире по экспорту оружия, заняв строчку вслед за США, Россией и Францией. После успеха на Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии Южная Корея нацелилась и на европейский рынок.

«Южнокорейская военная промышленность, – пишет *Politico* от 3 ноября, – имеет большой опыт производства оружия и оборудования, совместимого с соответствующими системами их союзника, США [...] это делает их привлекательным вариантом для тех стран НАТО, которые стремятся к быстрому и относительно дешёвому перевооружению».

Польский плацдарм

Президент Польши Анджей Дуда заявил на выставке вооружений в Кельце, что «ужасная война» на границах страны «заставляет нас, остальную мир и Атлантический альянс считать, что время мира определено закончилось». Польша увеличит свои военные расходы до 30 миллиардов долларов США, или 3 % ВВП, в 2023 году, утвердив специальный фонд для финансирования закупок оружия. В список входят многие американские системы: 250 танков Abrams, 32 истребителя F-35, 500 ракетных установок HIMARS и зенитных комплексов Patriot. На втором месте среди поставщиков находится не Европа, а Южная Корея, с которой были подписаны многолетние соглашения на сумму 14,8 млрд долларов США. Соглашения, прежде всего, демонстрируют намерение Варшавы начать свою деятельность в качестве континентального производственного центра.

Министерство обороны заказало у Hyundai Rotem 180 55-тонных танков K2 Black Panther; ещё 800 будут произведены после 2026 года в Польше. Это соглашение привело к срыву предыдущих переговоров с немецкой компанией KMW (Krauss Maffei Wegmann) о поставках танков Leopard 2. Варшава хочет на длительный срок стать конечным производителем, нацеленным на европейский рынок, утверждает Симон Веземан из SIPRI. Она заказала у KAI (Korea Aerospace Industries) 48 лёгких истребителей FA-50, дюжина из которых будет поставлена уже в 2023 году. В Польше должен быть построен центр технического обслуживания для других корейских истребителей, которые в конечном итоге будут продаваться в Европе.

У компании Hanwha Defense было закуплено 672 самоходных гаубицы K9 Thunder с дальностью стрельбы 40 км и периодичностью выстрелов каждые 30 секунд. У этой же группы

Компании южнокорейского ВПК

(входящие в 100 крупнейших групп мира)

	Место	Оборот военной продукции		% от суммы доходов
		2020 г.	2021 г.	
Hanwha Aerospace	50	2370	2550	46
KAI	65	1896	1800	81
LIG Nex1	71	1433	1590	100
Hanwha Corp.	82	1233	1240	36

Данные в миллионах долларов.

Источник: SIPRI

было заказано 300 ракетных пусковых установок K239 Чунму, чтобы получить их быстрее, чем американские HIMARS. Гаубица K9 компании Hanwha Defense в настоящее время захватила 50 % мирового рынка этой категории оружия; среди заказчиков – Австралия, Египет, Индия, Турция, Финляндия и Норвегия, часто производящие его по лицензии.

Сон Чжэ Иль, генеральный директор Hanwha Defense, сообщил *Financial Times*, что с начала конфликта на Украине европейские страны пообещали выделить 200 миллиардов евро на вооружение и что недавнее переключение внимания России на производство более сложных систем (он не упоминает об этом, но, возможно, думает о плохой рекламе, производимой продолжающимся конфликтом) в основном «позволяет другим производителям предлагать на рынке обычные вооружения среднего уровня, такие как гаубицы, танки и бронемашин».

В рамках недавнего соглашения Сеул передаст Пентагону 100 тысяч 155-мм артиллерийских снарядов, которые США направят Украине.

Истребители, авианосцы и космос

Однако у Южной Кореи более амбициозные планы, выходящие за рамки наземных систем: в разработке находятся истребители нового поколения, авианосец и автономные носители для запуска спутников.

Компания KAI была образована в 1999 году в результате слияния аэрокосмических подразделений компаний Samsung, Hyundai и Daewoo по требованию правительства. Сегодня она на 26 % принадлежит Экспортно-импортному банку Кореи и пенсионным фондам. KAI разрабатывает истребитель нового поколения под названием KF-21 Boramae (молодой орёл). Первый полёт состоялся этим летом: шесть прототипов готовы к различным этапам испытаний, запланированным до принятия в эксплуатацию в 2026 году.

Системы для нового истребителя производит LIG Nex1, ведущая оборонная электронная компания страны, которая была основана в 1976 году как Goldstar Precision. Двигатели будут производиться компанией Hanwha Aerospace по лицензии General Electric.

На разработку KF-21 Boramae планируется потратить 6,7 млрд долларов, 20 % из которых обещаны Индонезией, но ещё не оплачены; она стала первым иностранным заказчиком. ROKAF (ВВС Республики Корея) бронировали 120 единиц. Истребитель не имеет внутренних отсеков для ракет, поэтому будет «полуневи-

димым». KAI планирует предложить его на мировом рынке, где, согласно *Aviation Week & Space Technology*, он вступит в прямую конкуренцию с европейскими Rafale и Typhoon.

Суда ВМС Республики Корея (ROKN), или Daehanminguk Haegun, являются результатом многолетней работы, разделённой между HHI (Hyundai Heavy Industries) и DSME (Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering). Последняя на 55,7 % контролируется KDB (Корейским банком развития) после спасения в 2000 году; попытка слияния с HHI, продвигаемая Сеулом, была заблокирована Европейским антимонопольным управлением в 2019 году. DSME теперь может перейти под контроль Hanwha Group.

В сентябре 2021 года подводная лодка Dosan Ahn Changho запустила баллистическую ракету с дальностью полёта 500–800 км. Этот запуск вводит Южную Корею в избранный клуб военно-морских держав, способных запускать БРПЛ (баллистические ракеты подводных лодок), в который входят ядерные державы, Индия и Северная Корея. Dosan Ahn Changho – первая южнокорейская подводная лодка с шестью вертикальными пусковыми шахтами. Предыдущие 18 подводных лодок ROKN – это Type 209/214 ТКМС, произведённые наполовину в Германии и наполовину в Корее.

У ROKN есть два вертолётносца, а также проект строительства 45.000-тонного авианосца к началу 2030-х годов. Для того, чтобы начать работы, требуется финансирование, но на выставке MADEX (Maritime Defence Industry Exhibition) в Пусане появились модели HHI, разработанные в сотрудничестве с британской Babcock, и DSME, совместный проект с Fincantieri.

В июне этого года ракета «Нури» вывела на орбиту спутник весом 1,5 тонны; первая попытка в октябре 2021 года запуск была успешна, чего нельзя сказать о запуске искусственного спутника. KARI (Корейский институт аэрокосмических исследований), космическое агентство страны, планирует создание региональной спутниковой навигационной системы, которая будет связана с американской GPS. Nuri собирается компанией KAI с двигателями от Hanwha Aerospace – это национальный проект, обеспечивающий Южной Корее автономность в вопросах запуска на орбиту. Что касается цены новичка, то она составляет 32.500 долларов за килограмм, что в двадцать раз больше, чем у Falcon 9 компании SpaceX.

Леопард и лягушка

На рынке труда в 2022 году постковидное восстановление сочеталось с последствиями украинской войны. «Множественные кризисы» ознаменовали собой год неравенства и неопределённости.

Таков вердикт, вынесенный в конце октября Международной организацией труда (МОТ) в её документе «Monitor».

Неравенство и неопределённость

Неравенство существует, прежде всего, между «развитыми» и «развивающимися» странами: если в первых «занятость достигла докризисного уровня или превысила его, и многие предприниматели борются с нехваткой труда», то в странах с низким и средним уровнем дохода по-прежнему очевиден дефицит рабочих мест. Некоторые данные: во всём мире в III квартале 2022 года по-прежнему наблюдается откат в количестве рабочего времени по сравнению с концом 2019 года, что эквивалентно увольнению 40 млн рабочих – это резкое сокращение даже по сравнению с 530 миллионами на пике пандемии во втором квартале 2020 года. Дело в том, что это сокращение затрагивает страны с низким и ниже среднего уровнем дохода, страны же с высоким уровнем дохода практически ликвидировали этот разрыв.

В документе ОЭСР от 19 января «Statistics News Release» о «развитых» странах говорится чуть больше: в ноябре уровень безработицы (4,9 %) ещё раз побил рекорд и стал самым низким с начала века, европейский минимум в 3 % был достигнут в Германии и Польше, а во Франции и Италии он составил около 7 %, в Испании – 12,4 %.

Здесь интересна динамика возврата безработицы в III квартале 2022 г. по сравнению с 2020 годом: падение составляет 29 % во всех странах, но 14 % в Еврозоне (Италия и Германия на этом уровне) и 55 % в США. Этот количественный перевод различного функционирования двух рынков труда. Социальные амортизаторы в различных формах так называемых интеграционных касс (CIG)¹ смягчили последствия пандемического кризиса в Европе, в то время как в Америке тенденция была более жёсткой: там сначала прибегали к увольнениям, а затем к найму.

Отражением восстановления является растущая и дифференцированная нехватка рабочей силы: в США на 100 безработных приходится 170 вакансий (*Il Sole-24 Ore*, 03.12.2022); в Европе вакансий в среднем меньше, но в такой стране, как Германия, которая со своей *Kurzarbeit*² являлась прообразом социальной рыночной экономики, их количество в любом случае составляют 130. Очевидно, что здесь играет роль другой фактор, а именно демографический спад и последующее сокращение числа рабочих, и это не конъюнктурный рыночный феномен, а явление, которое выходит далеко за его пределы и которому суждено сопровождать будущее Старого (во всех смыслах) континента.

Теперь ясно и общепризнано, что за требованиями заработной платы там, где они выдвигаются, стоит то, что в бюллетене ЕЦБ определяется как «напряжённая ситуация на рынке труда», то есть нехватка рабочей силы. Однако это не должно заставить рабочих забыть об элементах осторожности в оценке текущего момента. Согласно

опросу Anpal³ и Confcommercio⁴, проведённому в декабре 2022 года, значительная часть роста занятости в Италии на самом деле связана с временным наймом, который остаётся наиболее предлагаемой формой (52 % от общего числа занятых). Это знак неуверенности, который сопровождает даже моменты подъёма экономики.

Сломанные жизни

Ещё одним элементом, связанным с восстановлением производства, является рост несчастных случаев на производстве. Рассмотрим пример Италии. Данные INAIL⁵, относящиеся к первым 11 месяцам 2022 года, свидетельствуют об увеличении количества сообщений о травмах на 30 % по сравнению с предыдущим годом, а также на 10 % по сравнению с тем же периодом допандемического 2019 года. С другой стороны, смертность на работе (1006 случаев за этот период) снизилась на 10 % по сравнению с 2021 годом благодаря снижению смертности от Covid, но немного выросла по сравнению с 2019 годом (+1 %).

Интересные выводы можно сделать из чуть более подробного анализа. В то время как общий показатель по стране снизился на 10 % по сравнению с предыдущим годом, на северо-западе смертность на рабочем месте снизилась всего на 2 %, а в Ломбардии даже увеличилась. Мало того: смертность среди итальянских рабочих снизилась, но среди иммигрантов она выросла на 10 % (со 172 до 189). Наконец, наблюдается драматичный рост смертности среди молодёжи: 205 (+33 %) случаев смерти работников до 40 лет и 21 (удвоение!) случай среди тех, кому до 20 лет.

Именно рабочие, особенно иммигранты и молодёжь, расплачиваются за неопределённость капитализма и прожорливость крупных и мелких буржуа. Что касается молодёжи, то печально и парадоксально, что такой инструмент, как чередование учёбы и работы, полезный для обучения и вхождения в трудовую жизнь, часто превращается в уход из жизни, а всё потому, что он используется для увеличения прибыли в ущерб безопасности.

Если говорить об иммигрантах, то именно их положение занятых в опасных профессиях, которых избегают итальянские рабочие, делает их более подверженными несчастным случаям и смерти. Это состояние, которое можно резюмировать так: они являются одновременно жертвами и спасением производственной системы – и не только итальянской, – которой всё больше не хватает рук (и мозгов) из-за негативной демографической динамики.

Иммигрантский «ресурс»

Указ о привлечении иностранной рабочей силы, выпущенный итальянским правительством в конце 2022 года, предусматривает возможность въезда в текущем году 82 тыс. работников из стран, не входящих в ЕС, и большинство ассоциаций предпринимателей считает это число явно недостаточным. Тем не менее это единственный ключ к сдерживанию сокращения рабочей силы.

Отнюдь неслучайно газета Конфиндустрии опубликовала выступление директора по исследованиям Africap Export-Import Bank (Afraximbank) Ипполита Фофака. Он писал в *Il Sole-24*

Говорят, если лягушку бросить в кипящую воду, то она попытается выпрыгнуть, а если положить в холодную, медленно нагревающуюся, то инстинкт самозащиты не сработает, и в итоге животное сварится. Действительно, «варить лягушку» – вот тактика тех фракций НАТО, которые хотят постепенно повышать уровень военных поставок Киеву, в расчёте, что у Москвы мало возможностей для ответа. Спор о поставках немецких *Leopard 2* об этом же. Берлин воспротивился, выставив Вашингтону условие: США должны поступить аналогично со своими танками *Abrams*. Её взяла! Это не только нежелание считаться с грузом истории, когда во время второй мировой войны в ходе операции «Барбаросса» немецкие *панцеры* бороздили те же самые равнины, атакуя СССР. Кто сказал, что Москва не продолжит считать Германию и другие страны, поддавшиеся давлению – Польшу, Великобританию, Прибалтику, Финляндию, Голландию, – воюющими на стороне Киева? Берлин хочет получить гарантии того, что безопасность Европы неотделима от обязательств США. Нечто подобное было сорок лет назад в сражении за *евроракеты*. Только сегодня это открытая война. Москва уверена: на карту поставлены её жизненно важные интересы. Нелепо думать, что её вынудили вести о них переговоры.

Можно понять игру американского империализма против российского. Там многие хотели бы вытолкнуть на передовую одну только Европу. Но поражает нарастающий хор интервенционизма партий и телеканалов Старого континента. *Leopard 2* теперь стал темой *ток-шоу*. Это похоже на танцующих, которые, приближаясь к краю пропасти, утверждают, что ядерная угроза Москвы – это *блеф*. На испытывающий дефицит централизации пучок сил европейского империализма оказывают влияние американское вмешательство и глубоко укоренившееся отвращение Восточной Европы к России, но суть не в этом. Многие, начиная с Берлина и Парижа, чувствуют, что предоставился случай для перевооружения.

Между тем в ожидании новых весенних наступлений конфликт застыл в патовой ситуации. Условия ужасающие: украинские города обстреливаются ракетами, страдают от холода и перебоев с электричеством; российских мобилизованных отправляют на убой для завершения захвата Донбасса. Сейчас более, чем когда-либо, единственный верный путь может указать коммунистическая и интернационалистская стратегия – выбор в пользу революционной оппозиции всем империализмам и всем национализмам, борьба за единство украинского, российского и любого другого пролетариата.

Оте от 30 декабря, что «в ходе современной истории международная иммиграция из стран с низкими доходами и высокой рождаемостью в страны с более высокими средними доходами и низкой рождаемостью помогла защитить передовые страны от демографических трудностей». Таким образом, «это помогло странам с высоким доходом поддерживать экономический рост»: «взаимовыгодные отношения». Не следует упускать из виду, что эти «взаимовыгодные отношения» осуществлялись через эксплуатацию миллионов наёмных рабочих.

Однако близорукость парламентаризма в конечном итоге наносит ущерб интересам того самого класса, который он должен представлять, по крайней мере до тех пор, пока со всей очевидностью факты не укажут на неотложность – именно этим мы обязаны тому, что по всей Европе возрождается интерес к решению проблемы миграции. Джованни Триа, бывший министр экономики в жёлто-зелёном правительстве Джузеппе Конте, а затем экономический советник правительства Драги, предлагает в итальянской *Il Sole-24 Ore* от 31 декабря организовать «ориентационные и учебные центры и соответствие между спросом и предложением» в странах эмиграции – эта идея не нова, особенно в кругах Конфиндустрии, и она вполне может быть подхвачена правительством, если то освободится от питающих его расистских импульсов.

В любом случае, мы всегда были за перспективу подбора и обучения рабочей силы в соответствии с потребностями капитала: в противном случае неизбежным станет её выталкивание с рынка труда.

Единственная уверенность

С наступлением нового года многие пробуют себя в прогнозировании. Но капиталистический хаос оставляет для этого мало места, особенно в мире труда, на котором этот хаос неизбежно отражается и заставляет рабочих страдать от всех противоречий этого общества, начиная с кризисов и заканчивая войнами.

Остаётся единственная определённость, единственная точка отсчёта в трудной битве текущего момента, которой следует уделить максимум внимания, – это организация рабочих.

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Подразделение государственного пенсионного фонда Италии, компенсирующее наёмным работникам часть заработной платы в случае вынужденного простоя предприятия.

2 – Временная неполная занятость.

3 – Национальное агентство по активной политике занятости.

4 – Итальянская всеобщая конфедерация предприятий, профессиональной деятельности и самозанятого труда.

5 – Национальный институт страхования от несчастных случаев на производстве.

“Неполная пропорциональность” и гибкость Пятой республики

Мы публикуем серию статей наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

Потеряв абсолютное большинство на выборах в законодательные органы 12 и 19 июня, Эмманюэль Макрон начал переговоры с целью расширения своего правительства за счёт каких-либо оппозиционных партий или по крайней мере привлечения некоторых из их кадров. В отсутствие соглашения ему пришлось прибегнуть к помощи своих партнёров по коалиции.

“Республиканцы” – ведущая сила

Центристское Демократическое движение (Mouvement démocrate, MoDem) и правоцентристская партия “Горизонты” (Horizons), созданная бывшим премьер-министром Эдуаром Филиппом, были награждены четырьмя и двумя министерскими постами соответственно, включая пост, отвечающий за экологический переход, для одного из близких сотрудников Филиппа. Сесиль Корнюде из *Les Echos* пишет, что правительство подсчитывает «проверенных, новобранцев, но никак не рост»; «положение почти скромное, как бы то ни было оборонительное».

Как мы уже указывали, политические комментаторы обеспокоены возможной неуправляемостью страны. Тем не менее первые движения этого лета не носили отпечаток институционального блока. Правая партия “Республиканцы” (Les Républicains, LR) зарекомендовала себя как ключевая сила в голосовании по некоторым мерам, включая закон о покупательной способности. *Le Monde* отмечает, что «из этой очевидной неопределённости, которая влияет на судьбу каждого голосования, возникла константа: поддержка правых большинством».

С другой стороны, левая коалиция Новый народный экологический и социальный союз (Nouvelle Union Populaire écologique et sociale, Nupes) решительно подтверждает себя в качестве оппозиционной правительству силы, и депутаты Социалистической партии (СП) решили воздержаться от голосования за пакет мер относительно покупательной способности. Тем временем крайне правое Национальное объединение (Rassemblement national, RN) пытается приобрести респектабельность в соответствии с принятой Марин Ле Пен тактикой “дедemonизации”: говорят, что она открыта для голосования или воздержания в Палате представителей по определённым мерам.

Европеистская преемственность?

Первые парламентские дебаты касались лишь внутренней политики. Что касается европейского и международного уровней, то *Financial Times* в редакционной статье, опубликованной сразу после выборов, отметила, что, несмотря на массовое вступление в парламент евроскептических сил, «широкие полномочия президента в области внешней и оборонной политики должны обеспечить прозападную и проевропейскую ориентацию Франции». Однако «традиционное применение государственных расходов для решения политических проблем поставит под сомнение фискальную дисциплину и, возможно, доверие инвесторов и терпение партнёров Франции по еврозоне».

По поводу этого важнейшего аспекта предстоящей пятилетки *Les Echos* утверждает, что «новые французские парламентские балансы усложнят и, возможно, замедлят европейскую повестку дня президента республики», даже если «европейские специалисты не видят больших рисков ослабления Парижа по великим экзистенциальным темам момента». Во Франции принятие только 14 % европейских документов происходит законодательно – остальные вводятся посредством декретов и постановлений, – «но знаковые документы обязательно должны пройти через французский парламент».

Экономическая газета отмечает, что для того, чтобы поддержать кандидатуру Украины на вступление в Евросоюз, принять решение о седьмом пакете санкций против России или запустить конвент по реформе договоров, президент не нуждается в одобрении парламента: «Национальный парламент выйдет на сцену гораздо позже, после ратификации нового договора или присоединения нового государства-члена». На сегодняшний день «ни один европейский документ не ожидается в ближайшее время на скамьях парламента». С другой стороны, *Le Figaro* отмечает, что основные структурные реформы, обещанные Брюсселю, такие как пенсионная реформа, могут быть отложены.

В комментариях прессы подчёркивается, что беспрецедентная фрагментация Палаты представителей отражает фрагментацию политических сил, придавая результатам выборов послевкусие пропорциональности. В силу ослабления “республиканского фронта” (традиционного соглашения между партиями, достигаемого во время второго тура и призванного помешать RN получить места в Палате представителей) двухтуровая система голосования не привела к формированию подавляющего большинства, как это было ранее.

Можно отметить, однако, что избирательная система частично ограничила количество депутатов-евроскептиков и совранистов. В первом туре президентских выборов еврофобные партии (настроенные также и против НАТО) набрали 57 % голосов, но в Национальном собрании большинство мест продолжает занимать европеистские партии, причём большинство намного более уверенное, чем то, которым располагает президентская коалиция.

Конституционная гибкость

Другой фактор, который может использоваться исполнительной властью для приспособления к отсутствию относительного большинства, – это гибкость конституции Пятой республики.

Историк Гаэтано Квальериелло в своей работе 2003 года *“De Gaulle e il gollismo”* утверждает, что основатель Пятой республики «из-за идей, придававших государственному мужу его роль, был вынужден не доверять жёстким и определённым конституциям». Для него конституция должна была «ограничиваться гарантией авторитета власти и авторитета государства перед лицом партикуляристских интересов». В своих рекомендациях редакторам конституции Шарль де Голль просил, «перефразируя Наполеона, написать короткую и достаточно неясную Конституцию, чтобы она могла адаптироваться к различным ситуациям». Пятую респу-

блику регулярно называют “диархией” именно потому, что президент избирается прямым всеобщим голосованием, в то время как правительство зависит от парламента, и последний может его свергнуть.

В коллективной работе *“Comprendre la Ve République”*, опубликованной в 2010 году, историк Серж Берстейн указывает на три столпа, на которых зиждется «фундамент коперниканской революции 1958 года, приведшей к рождению республиканской монархии», гарантирующей президенту возможность консолидировать свою власть: «Право на проведение референдума по любому законопроекту, касающемуся организации государственных полномочий или их влияния (ст. 11); возможность роспуска Национального собрания (ст. 12); факультативное обладание исключительными полномочиями в случае угрозы институтам Республики, территориальной целостности, независимости нации и невыполнения международных обязательств (ст. 16)». С другой стороны, «как это всемогущество главы государства, основанное на харизматичной власти, может сосуществовать с Конституцией, которая в своей ст. 20 устанавливает, что “правительство определяет и проводит политику нации”?».

Как можно заметить, учреждения, описанные Квальериелло, являются очень тёмными и гибкими. Однако, как мы уже упоминали, эта двойственность менее очевидна в отношении внешней политики.

Кризисный режим

Фактически эти институты должны были противостоять международным кризисным ситуациям. В книге 2017 года *“L'esprit des la Ve République”* Филипп Рейно, профессор политологии в Университете Пантеон-Асса, утверждает, что в момент основания режима «функции правительства [определялись] приоритетами, задаваемыми внешней политикой». Рейно указывает на опыт войны и её потребности как на источник духа институтов: «Что отличает версию де Голля о расширении полномочий исполнительной власти от той версии, которую отстаивали республиканцы “старых времён”, так это роль, отводимая опыту войны, которая – в пике оптимистическим течениям предыдущего века – на протяжении всего XX века оставалась постоянным измерением современного исторического опыта».

Укрепление исполнительной власти является закономерностью империалистической демократии. Во Франции оно сочетается с историческим наследием сильной политической и административной централизации, возникшей во времена абсолютизма, революции и бонапартизма. Институциональные основы Третьей и Четвёртой Республик стремились ограничить силу исполнительной власти, опасаясь появления личной власти. Однако эти режимы не пережили вторую мировую и Алжирскую войны.

Рейно сообщает, что за созданием Пятой республики стояло желание «восстановить наследие Французской революции, поместив его в долгое “национальное” время истории государства и в проект восстановления государственной власти, который позволил бы определить почти священную область, не достигаемую партийными играми, и в то же время дать демократии, направляе-

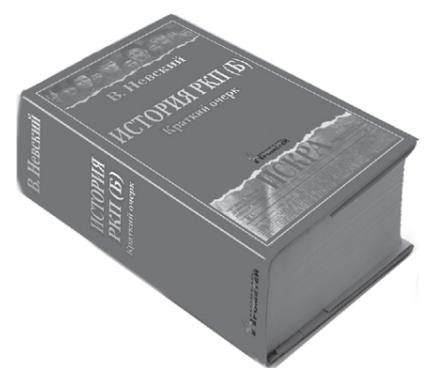
мой ограничениями рационализированного парламентаризма, средства для функционирования».

Эта воля также позволила, увеличив вес президентской власти «при выборе политического персонала, уменьшить вес старого парламентского класса в пользу нового по составу и, прежде всего, по стилю. С другой стороны, это усиливает легитимность “техников”, или, как будут говорить позднее, “технократов”.

Историк вспоминает два символических эпизода укрощения партийной игры президентом: в 1958 году де Голль опирался «на сторонников Французского Алжира и в конечном итоге ликвидировал колониальную империю, чтобы дать жизнь более современной экономике и обществу»; «миттерановский социализм», пришедший к власти в 1981 году с обещанием «порвать с капитализмом», способствовал «продолжительному затмению» максимализма в СП. «В обоих случаях, – продолжает Рейно, – переходу способствовала сила исполнительной власти, достаточно свободной в своих действиях, чтобы вынести свой “великий проект” за рамки публичных дебатов и добиться поддержки от тех, кто, по идее, должен был ей противостоять».

Мы можем лишь заметить, что сегодня, когда война вернулась в повестку дня, конституция, созданная на основе военного опыта и обладающая соответствующей гибкостью, оказывается очень кстати. Однако в настоящее время в войне будут сталкиваться державы континентального масштаба, и Франция может осуществлять эффективные действия в этом противостоянии, только объединив свои институциональные инструменты с инструментами европейского империализма, которые пока ещё находятся в эмбриональном виде.

Lotta comunista, июль – август 2022 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения, статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист в своих
ранних работах», «Философия
мёртвой реакции», карты, схемы
и иллюстрации, примечания,
хронология, библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Давление на “санитарный кордон” вокруг Национального объединения

Тридцатого августа 2022 года *Le Figaro* отметила, что итоги недавних последовательно прошедших во Франции выборов – сначала президентских, затем парламентских – подтвердили закономерность: теперь во Франции «протестное голосование – это поведение большинства». С апреля 2002 года, когда ультраправые впервые прошли во 2 тур, по 2022-й общее количество голосов, поданных за «протестных кандидатов», выросло с 29,6 % до 55,6 %. «Это настоящий скачок вперёд, который может сдвинуть карты за столом политических игроков».

В том же номере газеты политолог Доминик Рейни также отмечает, что в 1 туре парламентских выборов протестные голоса в совокупности с голосами тех, кто не принял участие в выборах, а также пустыми и недействительными бюллетенями, дают 77 % всех зарегистрированных избирателей. Это на 11 % больше, чем на парламентских выборах 2017 года, когда «был поставлен рекорд (66 %) для нашей избирательной истории».

На фоне этой тенденции, мрачной для самых стойких евроэнтузиастов, редакция *Le Monde* поздравляет ЕС с «впечатляющей способностью адаптироваться» и «появлением прагматичной и способной защищаться Европы», когда речь заходит о ценах на газ и электричество. Ежедневная вечерняя газета пишет о «гониме на время накануне выборов в Италии, Латвии и Болгарии, которые проходят после французских и шведских и все отмечены национал-популистским всплеском».

Постпопулизм?

Французские правые и консервативная *Le Figaro* сталкиваются с дилеммой: им приходится выбирать между поддержкой так называемых “правых” реформ нынешнего правительства, сохранением линии на возрождение крупной правой партии или искать союза с крайне правыми или некоторыми их представителями.

Газета вышла с подзаголовком “Рим и Стокгольм изобретают «постпопулизм»”. Отмечается, что популисты в настоящее время присутствуют почти во всех парламентах ЕС. По мнению газеты, «санитарный кордон», некогда изолировавший крайне правых, сейчас «рухнул почти везде, за исключением Германии и Франции», которые теперь, пожалуй, являются исключением.

Тибо Музергес, директор Международного Республиканского института в Риме, пишет на страницах *Le Figaro*, что итальянские (отсылка к “Братьям Италии”) и шведские идентитаристы представляют собой «постпопулистов». «Мы видим успех партий, которые отстаивали ультраправые идеи, но решили вписаться в демократическую игру». Эти течения, по всей видимости, иначе, нежели классические совранисты, относятся к России и НАТО и иногда демонстрируют свой атлантизм.

Стремление к чередованию

К этому течению можно также отнести Марин Ле Пен, которая, без сомнения, входит в старую совранистскую пророссийски настроенную гвардию группы “Идентичность и демократия” в Европейском парламенте. Тем не менее можно предположить, что вероятный опыт *еврорастворимости* или *евросо-*

вместимости – что, конечно, ещё не нашло подтверждения – крайне правой организации в Италии или на шведской политической почве может послужить школой и стать прецедентом и для Национального объединения (RN).

С этой точки зрения французская популистская партия пытается вступить в новую фазу своей политики дедемонизации, которую можно охарактеризовать как тактику “повышения ответственности”. Летом 2022 года Марин Ле Пен заявила о своей позиции: «Моя цель – не свергнуть правительство, а заменить его». Таким образом, RN получит «призвание стать альтернативой. Мы можем это сделать». Согласно *Le Monde*, RN попытается отмежеваться от нарочито оппозиционной “Непокорённой Франции” Жан-Люка Меланшона в надежде «заместить собой традиционных правых».

Хотя Ле Пен не вернулась к цели вывести Францию из НАТО, тем не менее депутаты RN воздержались, когда 2 августа в Национальном Собрании принимался протокол о присоединении Швеции и Финляндии к Североатлантическому альянсу. “Вперёд, Республика!”¹ (партия Эмманюэля Макрона), “Республиканцы”, социалисты и “зелёные” проголосовали за, “Непокорённая Франция” – против. Таким образом, RN сохраняет некоторую двусмысленность по этому вопросу, но следует отметить, что её отказ голосовать позволил проекту легко получить относительное большинство в Палате представителей и быть одобренным.

Очевидно, что эволюция французского политического ландшафта в ближайшие годы предсказать невозможно, равно как и его специфику в отношении общих черт нового европейского политического цикла. Однако стоит отметить, что Макрон не сможет переизбраться в 2027 году и что тактические шаги правых сделаны, с этой точки зрения, на перспективу новых выборов, если “Непокорённая Франция” не сможет повторить успех голлистов, которые навязали себя как политическую силу, несмотря на уход Шарля де Голля.

Три правых

В этом меняющемся политическом ландшафте полезно обратиться к истории различных течений французских правых и вернуться к историографическим классификациям. Ту типологию, которую обычно используют политические комментаторы и историки, сформулировал Рене Ремон в своей работе “Правые во Франции”, опубликованной в 1954 году, то есть до появления V Республики. Среди французских правых выделяются три основных течения: легитимистское, орлеанистское и бонапартистское.

Легитимизм, согласно Ремону, происходит от оппозиции католиков и дворян Французской революции 1789 года. В XX веке этот традиционализм, долгое время выступавший за верность монархии и Бурбонам, утратил своё значение. Некоторые аналитики видят определённые следы этого течения среди сторонников таких политиков, как Филипп де Вилье, Марион Марешаль или Эрик Земмур.

Орлеанизм берёт свое начало в противоборстве во время Революции ветви принца Орлеанского абсолютизму Бурбонов. В 1830 году, когда имела место трёхдневная июльская революция,

Луи-Филипп Орлеанский, ветеран битвы при Жемаппе, был провозглашён королём французов и правил с опорой на избирательный режим, ограниченный имущественным цензом. По словам Ремона, орлеанизм объединяет вокруг себя консервативных либеральных правых.

Бонапартизм происходит из имперского периода. Его особенность – это защита государственного централизма и дирижизма, основанного на сильной административной централизации. В этом ответвлении правой мысли имеется культ вождя, воплощения верховного главнокомандующего нации. Многие комментаторы считают голлизм политическим течением с сильными бонапартистскими оттенками.

В своей книге 2005 года “Правые сегодня” Ремон рассматривает в качестве основных компонентов голлизма «величие Франции, суверенитет народа, выраженный избирательным правом всех граждан, превосходство исполнительной власти над решениями парламента, позитивное мнение о современности, необходимость перемен и императив реформ».

Крайне правые

Некоторые историки критиковали Ремона, упрекая его в том, что он не интегрировал в свой анализ крайне правых, как будто Франция привила свои партии от фашизма или *корпоративизма*. Израильский историк Зеев Стернхелл даже поддерживает идею о Франции как о лаборатории фашизма, где было изобилие крайне правых организаций, что проявилось ещё в конце XIX века, начиная с кризиса буланжизма и дела Дрейфуса.

В своём тексте 2005 года Ремон оправдывает себя, утверждая, что в то время, когда он формулировал свою типологию, крайне правые лишь время от времени появлялись в стране, в то время как Национальный фронт – сегодняшнее Национальное Объединение – уже хорошо укоренился в политике. Он называет эту ветвь правых «экстремистской», воплощающей «отвержение всеобщего».

Со своей стороны, историк Мишель Винок в своей работе “История крайне правых во Франции”, опубликованной в 1993 году, различает три разные традиции в этом политическом течении: «контрреволюционные правые», «более поздние популистские и национал-популистские правые», корни которых восходят к 1880-м годам, и фашизм, рождённый после первой мировой войны.

Французские особенности

Особенность французских правых по сравнению с их европейскими коллегами состоит в слабости двух основных течений: консерватизма и христианской демократии. Голлизм, в 1950-е годы обретший центральное положение в политической системе, также занимает особое место в Европе.

Стоит уточнить, что, хотя партия голлистов сильно пострадала от политической перестройки, начатой Макроном, и официально не прошла порог в 5 % на последних президентских выборах, наследие этого политического течения прослеживается и в нынешних французских институтах.

Что касается христианской демократии, то в коллективной монографии “Правые после 1789 года”, опубликованной в 1995 году, Жан-Люк Путье отме-

чает, что во Франции «старшей дочери Церкви» это течение всегда было важным с интеллектуальной точки зрения, но чрезвычайно слабым на политическом уровне. Тем не менее после «республиканского выравнивания», которого желал папа Лев XIII в 1890-х годах, а затем с реинтеграцией большинства католических чувств в республиканскую дугу на фоне первой мировой войны, были попытки построить христианскую демократию. После второй мировой войны центральной организацией стало Народно-республиканское движение, католическая партия, возникшая на базе Сопrotивления, но позднее, в 1950-х годах, ликвидированная сначала возвращением светских партий, которые снова обрели силу, а затем конкуренцией со стороны голлизма. Последним воплощением этой тенденции сегодня является MoDem Франсуа Байру, союзника Макрона. Отметим, что влияние евро-ватиканской партии и католических течений идёт по транспартийным путям, а не посредством крупной политической группировки.

Что касается основных либеральных консервативных партий, Путье считает, что они были уничтожены второй мировой войной, а их руководители скомпрометированы режимом Виши. За исключением Валери Жискара д’Эстена (президент с 1974 по 1981 год) они в конечном итоге сформировали правое течение, центром гравитации которого является голлизм. Можно также отметить, что слабость парламентского либерализма длительна: французская административная централизация и слабость парламента отложились на протяжении веков монархии и продолжились революционным разрывом и бонапартизмом.

Сегодня, когда массовых партий больше не существует и политическая волатильность выросла, будущие партийные преобразования и комбинации должны будут считаться с наследием этих странствующих, но укоренившихся в правовом лагере политических чувств.

Lotta comunista, сентябрь 2022 г.

1 – С 5 мая 2022 г. партия называется “Возрождение”.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Французские тревоги в связи с конфликтом на Украине

В прошлом месяце мы напоминали о содержании французской дипломатической линии, представленной Эмманюэлем Макроном на конференции послев 1 сентября ("Zeitenwende под давлением Атлантики"). Действительно, отвергая «равноудалённость» между Вашингтоном и Пекином, Париж поддерживает «независимость» Франция и Европы в вопросе американо-китайских отношений.

На этой конференции Макрон поместил свою концепцию Франции как «державы равновесия» в отчётливо европейские рамки и подтвердил желание быть индо-тихоокеанской державой. На этом театре Франция не хочет реализовывать «стратегию соперничества с Китаем», но стремится сдерживать его «гегемонистскую волю», в частности, «вместе с Индией и Австралией». Макрон открыто заявил о том, что, по его мнению, некоторые «союзы», созданные в рамках «определённых противопоставлений», не «должны распространяться на Индо-Тихоокеанское пространство». Президент подтвердил свою готовность к диалогу с Москвой в будущем, задав вопрос: можем ли мы «поставить нашу коллективную безопасность в зависимость от выбора американского избирателя?».

Европейское политическое сообщество

Во внутренней политике подтверждение Елисейским дворцом намерения продолжать линию на европейской реструктуризации – реформу пособий по безработице, пенсий и т. д. – следует рассматривать в контексте украинского конфликта, а также атлантистского давления и *Zeitenwende* (смены эпохи) в Германии. Хотя верно, что все комментаторы рады немецким военным инвестициям, в то же время в дискуссиях о пределах бюджетных манёвров Германии присутствует определённый страх по поводу возможного снижения роли Франции в Европе в военной сфере.

В дипломатической сфере Париж выступил с инициативой создания нового континентального форума – Европейского политического сообщества (ЕПК), который собрался в Праге в начале октября на свой первый саммит. В нём приняли участие 44 главы государств и правительств. В целом французская пресса расценила это событие как успех Макрона. Помимо 27 членов ЕС, присутствовали страны Кавказа, Балкан, Украина, Великобритания и Турция. ЕПК должен собираться дважды в год, имея своей целью, по словам Макрона, «формирование стратегической близости».

Будет ли ЕПК мертворождённой инициативой или инструментом Европы за рубежом для организации своей внешней политики и сопровождения диалектики расширения/углубления ЕС? Позволит ли это Великобритании восстановить стратегический диалог с континентом? *Le Figaro* отмечает сходство с неудачным проектом Европейской конфедерации, который отстаивал Франс Миттеран после разрушения Берлинской стены. В такую конфедерацию должна была войти и Россия. С этой точки зрения, может ли ЕПК в будущем служить форумом для дискуссии с Россией по окончании конфликта?

Французские аналитики, говоря об этой инициативе, делают вид, что не видят слона в комнате. Действительно,

отсутствует всякая информация о позиции США. Однако последние всегда выступали против чересчур заметных европейских инициатив в области дипломатической и оборонной автономии. Тем более, может ли это в конечном итоге привести к существенному сближению с Россией. Можно отметить, что в ЕПК присутствуют страны, представляющие как американскую, так и российскую партии в Европе, хотя, конечно, первая сильнее.

В недавнем выступлении на французском телевидении Макрон подтвердил свою материальную поддержку Украины в конфликте, но призвал Киев искать дипломатическое решение. Он также объявил об усилении военного присутствия Франции на восточном фланге Атлантического альянса, куда Париж направит новых солдат, танки Leclerc (в Румынию) и истребители Rafale в Литву.

Беспокойство на Рейне

Как будет выглядеть будущая дозировка Макрона между уверениями в приверженности НАТО и империалистической защитой открытия раунда переговоров на Украине? Найдёт ли он, наряду с Берлином, собеседников в Вашингтоне, Пекине или Нью-Дели? Или его проект по утверждению европейского субъекта в рамках Атлантического альянса потерпит новое относительное посрамление?

Сегодня последняя гипотеза будоражит французские мозговые центры. В вышеупомянутой статье "Zeitenwende под давлением Атлантики" мы писали о «бедственном положении Парижа и Берлина перед лицом разрастания кризиса на Украине, сопровождающегося разбалансировкой союза, вызванной позициями Польши и стран Балтии». Вступление Тьерри де Монбриаля к годовому отчёту IFRI "RAMSES 2023" поучительно в этом отношении. По словам президента главного мозгового центра Франции в сфере международных отношений, нынешний кризис ставит под сомнение предыдущий путь развития «старой французской идеи европейской обороны». Символом данного этапа стал «жалкий вывод войск из Афганистана»: он отмечен нежеланием американской власти «полностью взять на себя защиту» ЕС.

Вооружённое противостояние на Украине перемешивает карты. В дополнение к России, де Монбриаль также относит европейцев, и главным образом Германию, к числу главных проигравших на нынешнем этапе конфликта. Среди победителей – США, которые «настойчиво укрепляют своё экономическое и политическое доминирование над странами».

В этом тексте де Монбриаль критикует то, как регулировалась система в 1990–1991 гг. Неспособность Запада определить архитектуру безопасности в Европе с Россией оставила поле открытым «для авантюристов международной политики в силу асимметрии национальных интересов». Автор снова формулирует историческое нежелание Франции расширять ЕС на восток. С принятием новых членов «страх перед Россией был снова импортирован в Сообщество/Союз», тогда как раньше он оставался абстракцией. Российская угроза «парадоксальным образом стала не большей, а более конкретной». В слу-

чае нового расширения, «в силу того, что оно подвергается силам, которые его деформируют, не является ли распад ЕС уже сейчас свершившимся фактом? Может ли Европейское политическое сообщество его спасти и каким образом?».

По мнению де Монбриаля, «главная проблема, которую представляет новое расширение НАТО, – это не Россия, а Соединённые Штаты: в какой степени их союзники смогут опираться на защиту, когда их интересы, как это нередко бывает, не совпадают? [...] и США легко меняют своё мнение в зависимости от постоянно меняющейся политической реальности?». Что останется от европейского проекта стратегической автономии, кроме «требований усовершенствования распределения бремени» и своего рода "Buy American Act"?

Текст завершается призывом к возвращению Европе политического смысла «перед лицом великих потрясений, которые готовятся на горизонте, связанных с американо-китайским соперничеством».

Новая смерть мозга

IRIS (Институт международных и стратегических отношений), ещё один важный мозговой центр по вопросам международной политики, также опубликовал свой годовой отчёт. Этот институт исторически более склонен поддерживать диалог с Россией, чем IFRI. Во введении к книге "L'année stratégique 2023" Паскаль Бонифас, директор и основатель IRIS, утверждает, что Россия «рискует оказаться надолго и глубоко отрезанной от Европы, а также от западного мира», в то время как Франция «со времён Пятой республики использует Москву в качестве противовеса, чтобы увеличить свои возможности для манёвра».

Бонифас согласен с де Монбриалем, считая Вашингтон (и его оборонную промышленность) главным бенефициаром войны, и в более резких выражениях выражает те же опасения по поводу будущего, что и президент IFRI. Членство Украины? Это было бы всё равно, что «рисковать, привлекая в ЕС страны, полностью преданные США, чьё европейское призвание будет связано скорее со структурными фондами и экономической помощью, чем с проектом европейского суверенитета». Стратегическая автономия «сегодня и в течение некоторого времени находится в состоянии смерти мозга».

Атлантистский вариант

На стороне тех, кто выступает за путь отчётливой атлантистской привязки для развития европейской автономии, мы находим Мишеля Дюкло, выходца из министерства иностранных дел, бывшего посла и заместителя директора Центра анализа и прогнозирования (ЦАПС) в том же министерстве.

Будучи специальным советником по геополитике Института Монтеня, либерального аналитического центра, финансируемого крупными французскими компаниями, Дюкло уже выражал опасения по поводу «стратегического одиночества» Франции до войны на Украине, после заявлений Макрона о смерти мозга НАТО и после провала диалога с Россией, начатого в 2019 году. По его мнению, Франция должна отказаться от российского тропизма и «попытаться восстановить связь с Соеди-

нёнными Штатами». «Это условие для достижения того, что для нас крайне важно: способность европейцев стабилизировать своё стратегическое ближнее зарубежье».

В опубликованном *Le Monde* комментарии Дюкло внёс обновления в свою позицию в свете возобновления войны в Европе. «Последствия для Франции очевидно, глубоко, настолько, что целые части её внешней политики, похоже, должны подвергнуться перестройке». Это также относится и к Германии. Восточные и северные европейцы считают, что они «лучше поняли значение истории». «Риск заключается в том, что большинство европейцев считают необходимым отказаться от любой программы автономии ЕС».

Дюкло рекомендует «переработать европейскую оборону», превратив её в финансово-промышленный проект под патронажем ЕС, дополняющий НАТО, роль которого будет усилена. Он надеется использовать американское давление для разработки ядра европейской внешней политики и политики безопасности. Таким образом, «чтобы убедить наших партнеров, мы были бы заинтересованы в поиске новой интерпретации проекта европейского суверенитета в соответствии с тем утверждением, которое навязывает нам Москва».

Возвращение конфликта не ограничивается Европой, но также касается Азиатско-Тихоокеанского региона, включая тайваньский вопрос. «На этом фоне консолидация западных альянсов на глобальном уровне представляется чем-то в порядке вещей». «Мы заинтересованы в том, чтобы найти там своё место, договорившись с Соединёнными Штатами и основными региональными союзниками, которые, учитывая растущую опасность, ищут поддержки». С этой точки зрения, Франция, «возможно, вместе с Великобританией», должна попытаться «присоединиться к Индо-Тихоокеанской четвёрке (Австралия, Япония, Индия, США)».

В ходе продолжающегося конфликта доктрина Макрона подвергается серьёзному испытанию. Однако существует множество возможных дозировок, включая нынешнюю линию империалистической защиты перемирия на Украине, основанную на заверениях НАТО.

Lotta comunista, октябрь 2022 г.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 милитантов
мировой партии пролетариата**

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.
978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

Исключительные полномочия для промышленной политики

В своей статье «Политика империалистической идеологии» от июня 1977 года (включена в книгу «Политическая оболочка») Арриго Черветто утверждает, что «с увеличением объёма мирового капиталистического рынка вследствие распространения способа производства, который порождает расширенное воспроизводство капитала, усиливается вмешательство государства в объективный процесс». Таким образом, «расширение мирового рынка, с одной стороны, увеличивает централизацию и концентрацию капитала, а с другой, усиливает противоречия и конкуренцию между предприятиями, которые составляют мировую экономику»: «действия надстройки, в конечном итоге, оказываются этим и обусловлены»¹.

Большая гибкость Европы

В процессе определения новых форм государственного вмешательства в Европе, спровоцированного восхождением Китая и реакцией старых держав мирового порядка, французское правительство пытается добиться благоприятного для себя изменения соответствующих правил.

Пресса приветствует готовность Европейской комиссии пересмотреть бюджетные правила. Приостановленные на время пандемии – «и предназначенные оставаться таковыми до конца 2023 года», – они, по мнению *Le Figaro*, «нуждаются в существенном реформировании, прежде чем снова вступят в силу». По мнению либерально-консервативной газеты, пересмотр окажется «далеко идущим и будет направлен на обеспечение большей гибкости». Таким образом, «инвестиции в общие приоритеты (экологический переход, цифровые технологии и общая оборона) войдут в расчёт пути выхода из долговой ямы». С другой стороны, Еврокомиссия будет иметь больше инструментов контроля и наложения санкций в случае несоблюдения новых правил. Обсуждения переходят в стадию конкретики, но процесс только начинается: Брюссель ждёт отзывов от стран-членов, прежде чем представить официальное предложение в начале 2023 года.

«Buy European Act»

С французской стороны, трио президента Республики Эмманюэля Макрона, министра экономики и финансов Брюно Лё Мэра и еврокомиссара по внутреннему рынку Тьерри Бретона ведёт кампанию против субсидирования отечественной промышленности в Китае, а также против американских субсидий в рамках «Inflation Reduction Act» («Закона о снижении инфляции»).

Выступая на Парижском автосалоне, президент Франции заявил, что необходимо принять «Buy European Act» («Закон «Покупай европейское»»). В интервью деловой газете *Les Echos* он добавил: «Я решительно выступаю за европейские преференции и действующую поддержку автомобильной промышленности». «Мы должны проснуться: ни американцы, ни китайцы не сделают нам подарков! Нам нужно, чтобы Европа подготовила мощный ответ и действовала очень быстро. Американцы покупают американское и реализуют очень агрессивную стратегию государственной поддержки. Китайцы закрывают свой рынок».

В своих ответах нескольким европейским газетам Лё Мэр предупрежда-

ет о риске «отставания» ЕС: «На долю Европейского союза сегодня приходится 17 % мировой экономики. В 1990 году доля составляла 25 %. Китай – это также 17 % мировой экономики. В 1990 году – лишь 3 %». Затем Лё Мэр обрушивается с критикой на американские субсидии и призывает к европейскому ответу, размышляя об идее использования экологических критериев в протекционистском ключе: «Мы ожидаем от Еврокомиссии твёрдых и соразмерных [ситуации] предложений. Можно действовать путём более жёсткого отставания наших экологических интересов с помощью механизмов европейских преференций или ускоренного использования инструментов взаимности, которые мы ввели во время председательства Франции в Совете Европы, таких как правила контроля за государственной поддержкой в третьих странах». Это должно сопровождаться общей политикой по «снижению цен на энергию в Европе».

Что касается бюджетов, то министр хвалит «серьёзность» Франции в следовании «графику возвращения к 3-процентному дефициту в 2027 году»: «Мы проводим преобразования, такие как реформы пособий по безработице и пенсий, которые демонстрируют надёжность нашего пути».

Эта реформистская линия в сочетании с желанием развернуть промышленную политику в Европе пользуется широкой поддержкой во французской прессе. Например, *Les Echos* считает, что «в условиях стремительного роста цен на энергоносители борьба за выживание европейской промышленности стала приоритетом». В то время как цены на энергоносители в Европе растут, «того же нельзя сказать о Китае или Соединённых Штатах». «В сталелитейной, химической, стекольной промышленности, производстве строительных материалов и других отраслях – тут и там мы видим закрывающиеся заводы».

Конкурентная девальвация

С точки зрения внутренней бюджетной политики, некоторые рассматривают текущую экономическую линию правительства, направленную на преодоление инфляционного давления, как средство повышения конкурентоспособности Франции по сравнению с другими странами ЕС.

Экономический консультант Ален Минк зашёл настолько далеко, что заявил в газете *Les Echos* следующее: «[Не] все об этом знают, но это обеспечит нам настоящий конкурентный девальвационный шок: «экономическая политика, проводимая во Франции, очень проницательна». «Что мы сделали? Мы переложили задачу поглощения значительной части инфляции на государственные финансы». Благодаря этому инфляция во Франции в текущем году составит около 6 %, тогда как во многих европейских странах она достигает 10 %. «Если за два года у наших соседей зарплаты вырастут намного больше, чем у нас, это позволит нам восстановить производительность труда».

Напомним, что в отношении заработной платы текущие прогнозы предусматривают рост на 3 % при инфляции в размере 6 %. В Париже мы также наблюдаем открытую дискуссию о том, сколько рабочие должны заплатить за кризис и сможет ли исполнительная власть провести некую скрытую ре-

форму, которая обеспечит умеренность в отношении заработных плат.

«Чего бы это ни стоило» на бис?

По мнению газеты *Le Monde*, Макрон продолжает политику «чего бы это ни стоило», которую он начал во время пандемии: стоимость антиинфляционного плана на 2022–2023 годы составила почти 100 млрд евро по сравнению со 150 млрд евро, потраченными за три года на меры по борьбе с коронавирусом. Инфляция, однако, ограничит ущерб, обеспечив рост налоговых поступлений.

Парижская газета в основном согласна с анализом Минка, но приводит более осторожные аргументы: «Если цены успокоятся в разумные сроки, страна может выйти из этого положения с укреплением конкурентоспособности»; «если, с другой стороны, инфляция будет сохраняться, Франция проиграет по обоим параметрам, так как долговая ситуация ухудшится, а зарплаты рано или поздно придётся привести в соответствие с ростом цен». В случае успеха «при выходе из кризиса» текущие государственные расходы должны будут рассматриваться не как «затраты», а как «бюджетные усилия, которые могут себя оправдать».

Бюджет на 2023 год предусматривает дефицит в размере 5 %. Не сумев собрать большинство голосов, правительство было вынуждено прибегнуть к исключительным полномочиям, предоставленным ему институтами Пятой республики, чтобы принять предложенный им закон о бюджете. Статья 49.3 Конституции позволяет правительству принять закон без одобрения парламента. Оно может использовать её по своему усмотрению для актов, касающихся финансового законодательства, но имеет право применять эту статью только один раз за сессию.

Если этим летом «Республиканцы» голосовали солидарно с правительством, то на этот раз они выступили против него. Будучи правой партией, они тем не менее не присоединились к крайне левым и крайне правым, когда дело дошло до голосования по вотуму недоверия правительству. В настоящее время исполнительная власть вряд ли падёт: президент пригрозил распустить парламент, если предложение наберёт большинство голосов. Ни одна партия, кроме «Национального объединения» Марин Ле Пен, не заинтересована в возобновлении избирательной кампании. Считается даже, что в случае новых парламентских выборов «Республиканцы» потеряют больше, чем все остальные.

Резкие повороты

По случаю победы крайне правых на выборах в Италии *Le Monde* опубликовала исследование, в котором сравниваются итальянское неонацистское движение и французский «Национальный фронт» – «Национальное объединение». Марин Ле Пен и Джорджия Мелони предположительно поддерживали связи с 2013 по 2015 год, а затем отдалились друг от друга. Лидер итальянской партии якобы призывала голосовать за свою французскую коллегу на президентских выборах 2017 года, но не в 2022 году. «Национальное объединение», вероятно, якобы отдаёт предпочтение отношениям с «Лигой» Сальвини.

Однако, с более общей точки зрения, французская газета представляет ита-

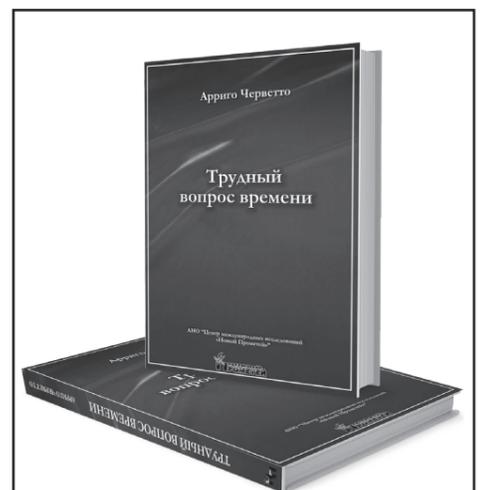
льянских крайне правых как добившихся гораздо большего укоренения, чем «Национальный фронт» – «Национальное объединение». Неонацистское итальянское социальное движение оказывало финансовую и организационную поддержку «Национальному фронту» при его зарождении в 1972 году. Последний, к тому же, взял на вооружение символ итальянской организации – трёхцветное пламя.

Le Monde считает, что институциональное и культурное укоренение крайне правых в Италии, где «санитарный кордон» вокруг них был разрушен ещё в 1990-х годах, гораздо сильнее. «Сила Лиги на севере и Братьев Италии на юге позволяют им возглавлять многие провинциальные и региональные органы власти и таким образом подтвердить свои управленческие возможности». Отметим, что на последних выборах именно Джорджия Мелони навязала себя на севере в ущерб «Лиге», и в то же время «Братья Италии» не смогли бросить вызов популизму ведущей партии юга – «Движения пяти звёзд».

Вечерняя газета также обращает внимание на «резкие повороты» французской организации на протяжении всей её истории. В 1972 году в рамках идеологической критики СССР программа партии была явно атлантистской, а также благосклонной к идеям европейской валюты и общей обороны. По сути, пророссийский поворот является недавним шагом Марин Ле Пен, а не фундаментальной линией и частью традиции этой ультраправой партии. Можно ли предположить – с учётом возможной евродолицистской «Национального объединения» и поверхностного характера укоренения партии и её организации, – что она сможет совершить новый поворот, теперь в евроатлантическом направлении?

Lotta comunista, ноябрь 2022 г.

1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 12.

Арриго Черветто
Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ «Новый Прометей» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.
ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб